

Анатолий Липин

*Моё военное детство
далёкое и близкое*

Стихи и рассказы в стихах

Автор выражает благодарность за помощь в издании книги:

- **ООО «ОптиВак»** (www.optivac.ru, инженерная вакуумная компания),
- **ООО «Ист Вакуум»** (www.eastvacuum.ru, поставщик вакуумного оборудования из Азии),
- **ООО «Вак ЭТО»** (www.vaceto.ru, производитель вакуумного термического оборудования).

К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

Война пришлась на детские годы автора на его родине – в ставшем легендарным Краснодоне на многострадальной донецкой земле. В этой книге – *война, увиденная глазами ребёнка*. Написана она до трагических событий на юго-востоке Украины 2014 года, когда, так же, как и в 1942 – 1943 годах, снова взрывались снаряды и мины в городах и посёлках Донбасса.

Эта книга о страданиях и бедах, приносимых войной, и о счастье жить под мирным небом на прекрасной земле.

На обложке – мемориал «Непокорённые», установленный на месте гибели 71 участника “Молодой гвардии”. Авторы комплекса: скульпторы Н.Можсаев, Г.Слепцов, Н.Щербаков, архитекторы Н.Булкин, В.Десятничук.

Анатолий Липин

*Моё военное детство
далёкое и близкое*

Стихи и рассказы в стихах

г. Жуковский

2015

УДК 821.161.1-1 Липин
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6-5
Л 55

Липин А.В.

Л 61 *«Моё военное детство далёкое и близкое»*
Стихи и рассказы в стихах. 2015, 152 с.

ISBN

© Липин А.В., 2015

Чтоб не распалась связь времён

Дети не воюют. Это войны вламываются в детский мир, разрушают его, убивают детей наравне со взрослыми, калечат их тела и души. А в сознании тех, кого они оставляют в живых, невысказанной болью остаются на всю оставшуюся жизнь. И сколько бы ни было написано о войне, пережившие войну дети не перестают чувствовать, что о ней сказано ещё не всё. Что что-то очень важное осталось «за кадром». А потому -- кто раньше, кто позже – берутся за перо или садятся за компьютер, чтобы рассказать о своём личном, известном только им.

По биографическим причинам из всей истории Великой Отечественной мне ближе всего Сталинград. Но накануне Сталинградской битвы было весьма болезненное поражение советских войск под Харьковом и фашистская оккупация восточной Украины, где и довелось «познакомиться» с «той войной» юному Толе Липину.

О расположенном в этом шахтёрском краю Краснодоне мир узнал из романа Александра Фадеева «Молодая гвардия», которым зачитывались советские юноши и девушки послевоенной поры. Но и Анатолию Липину нашлось, что сказать и о донецкой земле, и о советской предвоенной жизни, и о фашистской оккупации, и о военном и послевоенном Краснодоне.

Стихотворная форма книги Липина, достаточно редкая для подобного рода произведений, но в данном случае эта форма – рассказы в стихах – способствует более точному воспроизведению того времени, в котором, помимо трагических событий, была и обычная человеческая жизнь с её характерными приметами.

Но ушли (или почти ушли) из жизни те, кто разгромил фашистов под Сталинградом, кто освободил от нацистов Украину и всю Европу, кто победил в Великой Отечественной. Детей «той войны» с каждым годом также всё меньше. И нет больше на географической карте страны-победителя. За семь десятилетий, прошедших после мая 1945-го, многое о «той войне» забылось.

Но, если о войнах забывают, они возвращаются. В нынешней независимой Украине «распалась связь времён». И на головы жителей Донецкой и Луганской (бывшей во время «той войны» Ворошиловградской) областей снова посыпались снаряды. На головы взрослых. И на головы детей. А по степным дорогам, как и во время «той войны», снова пошли беженцы, по большей части женщины и дети.

А это значит, что книга Анатолия Липина более чем актуальна и найдёт своих читателей.

Борис ОСАДИН,

*член организации «Дети военного Сталинграда»,
автор детской повести «На окраине Сталинграда»,
член Союза журналистов России.*

Часть I

Перед войной и в войну

Ковыль на ветру

С высокой горы поутру
Прекрасны донецкие дали,
Прекрасен ковыль на ветру –
Языческий символ печали.

Летят облака в небесах,
По долу проносятся тени.
Курганы, ковыль, старый шлях –
Приметы былых поколений.

Они ещё помнят Орду,
Костры, половецкие пляски,
Гражданской лихую беду,
Немецкие жуткие каски...

Как время летит над землёй! –
Уж скоро на нашей планете
Последней войны мировой
Исчезнет последний свидетель.

2012

Признание в любви

*Над перроном сиреневый вечер,
И ещё не остыла земля.
Словно кем-то зажжённые свечи,
На закате горят тополя.*

*Скоро осень. Надолго разлука...
Грусть и радость витают окрест:
Провожает студентов округа,
Птичий грай – как прощальный оркестр.*

*Лишь исчезнут огни концевого,
Всё затихнет здесь, словно замрёт;
Разлетятся: кому до Ростова,
Кто до северных снежных широт...*

*“Средне-южной России жемчужиной”
Край наш Горький назвал неспроста,
Как и он, я пешком проутюживал
Вдоль и поперек эти места.*

*Как мне дорог и как он прекрасен,
Перекрёсток дорог и сердец!
Он любимой рекой опоясан,
Среброструйной*, зовётся – Донец**.*

*Калитва и священная Калка***,
Там, рукою подать – Краснодон;
И вздыхают глубокие балки,
Где-то хмурится батюшка Дон...*

* “Среброструйный Дончик” – из “Слово о полку Игореве”.

** Северский Донец – правый приток Дона (длина более 1000 км).

*** Названия рек, вблизи которых произошли кровопролитные сражения: дружины князя Игоря с половцами (1185 г.) и русских войск совместно с половецкими с армией Чингис-хана (1223 г.), руководимой не знавшим поражений Субудаем; однако после этой битвы Орда, рвавшаяся на запад, повернула своих коней на восток; здесь же после Куликовской битвы (1380 г.) Тахтомышем были окончательно разбиты войска Мамай.

Хуторок* над излучиной звонкой
В нём ветра о былом говорят,
В нём *Аксиньин курень* на пригорке
Возвышался лет десять назад.

Словно реки весной, всё сметая,
Пронеслись половодьем беды
И *Гражданская*, и *Мировая*,
До сих пор над Донцом их следы.

Зарастают окопы на склонах
Величавых прибрежных холмов.
И чернеют в степи терриконы,
Словно вехи ушедших веков...

Есть, наверно, *донецкие гены* –
Степь зовёт и за тысячи вёрст...
А какие здесь летние тени
И ночное сияние звёзд!

А земля здесь и вправду кормилица.
Созревает как мёд виноград.
Ах, как хочется с Дончиком свидеться,
Ах, как хочется землю обнять!

Ковыли над рекою послушать.
Там, где кручи и пойменный лес,
Отпустить мне хотелось бы душу,
Пусть, как птица, летит до небес...

*Над перроном сиреневый вечер,
Остывает неспешно земля;
И, как будто высокие свечи,
Надо мною горят тополя.*

Краснодон – Каменск-Шахтинский, 2003 год.

* Хутор Диченск – место съёмок кинофильма “Тихий Дон”.

На бахче

Впервые я помню себя
В донецком тепле сентября.
Тот, первый... Мне снятся и ныне
Созревшие яркие дыни
И словно упавших с небес
Арбузов лоснящихся блеск,
Тот радостный лепет Донца
И запах домашнего хлеба,
И сильные руки отца,
Меня приподнявшие в небо;
Шалаш у костра, запах сбруи
И коршуна плавный полёт,
И мирно жужжащие ульи,
И в сотах искрящийся мёд,
Шар солнечный у горизонта,
Весёлая, юная мать,
И очень приятное что-то,
Наверное – *благодать!*..

Какие яркие рассветы...
А в это время, в эти дни,
Фашизм шагает по планете
Тяжёлой поступью войны...

2010

Тот далёкий Первомай

Всего-то мне четыре года –
Весенний праздник *Первомай*,
Великолепная погода,
Ликует наш шахтёрский край.
Оркестр играет духовой –
Зовёт на митинг городской.

Цветы, плакаты и знамёна –
На площадь к *Дому ИТР**
Шагает школьная колонна,
В ней каждый третий – пионер;
А рядом с классом мать идёт**
И за руку меня ведёт.

Со всех сторон народ стекался,
И громко репродуктор пел...
Не помню как я потерялся,
Отстал и... *утонул* в толпе.
И как тут было не пропасть:
Ведь нèгде яблоку упасть!..

* Краснодонский “Дом инженерно-технических работников” находился на пригорке на месте нынешнего “Дворца культуры”.

** Учителям младших классов вменялось в обязанность ходить на демонстрации со своими классами.

С неделю жил в семье чужой:
Казачий домик, лодка, сети,
Цветущий садик под скалой,
Собаки, куры, козы, дети...
Играл с мальчишками в саду
И верил, что меня найдут.

Не вечно же сидеть в гостях!..
Запомнил *сценку передачи*:
Казак весёлый, мать в слезах
(Мне больно, если мама плачет!),
Милиция, колхозный рынок,
И много радостных улыбок...

До дома мать, не чуя рук,
Меня несла, не отпуская,
И ощущал я, засыпая,
Её тепло и сердца стук...

Страх *потеряться насовсем*
Пришёл с войной в неполных семь.

2013

Дети на даче

1940 год

Едем на дачу!!
Жаркое лето!
Не до прогулок,
Не до обеда.
Речка на даче,
Цветные закаты.
Рвутся ребята
В автобус пузатый.
В центре станицы,
У гастронома,
Пересчитали
Строго нас снова.
В том гастрономе,
Где царство конфет,
Чудо-весы: им –
Две тысячи лет.
Встанешь на полочку:
Гири повесят
И не заметишь,
Как тебя взвесят.
(Зная вес каждого,
Общий наш вес,
Осенью вычислят
Дачный привес).

Там, над рекою,
У светлой водицы
Тихо летают
Огромные птицы.

Там и деревья
Почти что в *полнеба*,
А за горою –
Поля *сплошь из хлеба*.
В травах душистых,
Ростом по плечики,
Громко трезвонят
Братья кузнечики.
Манят прибрежные
Тёплые лужи –
Царство чудесных
Ужей и лягушек,
Рыб, черепашек,
Задиристых раков
(Кто от клешней их
Ужасных не плакал?).

Дикие вишни,
Кислицы, тутовник,
Жёлтые груши,
Пахучий шиповник.
Из ежевики
Рубиновой, спелой
Запросто сок
Удивительный сделать.
Выпьешь напиток –
Ликует душа:
Дикая ягодка
Так хороша!
Терпкий и пёстрый,
Как маленький мячик,
Дикий арбузик
На тропке маячит.

Славно на даче
У синей горы,
Если бы, если бы...
Не комары!
Через недельку
Встретишь ребёнка:
С ног до макушки
В пятнах зелёнки.
Мамы приехали –
Нас не узнали,
Ахали, охали
И причитали.
Долго возилась
Мама со мною,
Пахло от мамы
Сладкой халвою...

Дети на даче –
Народец бывалый –
Размежевались
Быстро на пары.
И неразлучные,
Как лебедята,
Словно на привязи,
Ходят ребята.
Нет беззаветнее,
Как ни суди,
Дружбы ребячей
И детской любви.

2012

Довоенная пора

1

Фанерный наш казённый дом* –
Зимой суровой мёрзли в нём
В те годы детские мои
Четыре *храбрые* семьи.
Теплей, уютней по весне
На нашей южной стороне.
У нас – две комнаты просторных
И в них – огромных два окна,
Когда раздвинешь утром шторы –
Прекрасно улица видна;
Чулан, под крышею крылечко,
В углу – прожорливая печка
С мерцающим внутри огнём
(Снабжала школа нас углём).
Сарай с пристройкою в сторонке,
Вода – на улице в *колонке*** ,
Над головою яркий *свет*,
Да в огородике картоха...
Для тех, таких далёких лет,
По меркам тем совсем неплохо.

2

Вот, в двух словах, *культурный фон*:
Цветы, шипящий патефон,
Картины на *простые темы****
На белых с синевою стенах.
В коробках шашки, домино,

* Холодные дома из “заборных” досок, оббитых дранкой, прозвали “фанерными”;
располагались они около Краснодарского Госбанка.

** Водопроводный кран в деревянном ящике, заполненном опилками (зимой к нему было трудно подойти).

*** Рисунки моей мамы.

Походы редкие в кино.
Шкаф старый из фанеры тонкой
С дырой, заклеенной клеёнкой,
Да стопка книг на этажерке;
На стенке – чёрная “тарелка”.
То – репродуктор, друг любезный:
Куранты, новости и песни...
Козловский, Лемешев, Нечаев...
Я в песнях тех души не чаял.

3

Перед войной на стажировку
Уехал мой отец в *Нурлат**,
В чужую дальнюю сторонку –
Куда? Зачем? – Не мог понять.
Решил, *помыслив* день-другой,
Что это связано с войной**.
Писал отец нам из *Нурлата*,
Что люди там живут богато,
Земля щедра, есть речка, *выпас*,
Звал: “*Приезжайте, присмотритесь,*
А коль понравится – под осень
Здесь можно бы и якорь бросить”.
(Поездка позже состоялась –
Да в нашу жизнь война вмешалась).

4

Будильник утром, как *набат* –
Не опоздать бы в *детский сад!*
Казался он таким далёким...
В две смены мама на уроках,

* Селение в Татарстане

** Ведь в ту пору уже замирала страна от звучавших по радио слов:
“Если завтра в поход, если завтра война –
Будь сегодня к походу готов!”

Порою даже в разных школах
И все-таки была весёлой;
Тетрадей кипы приносила,
Откуда только брались силы?!
Нужна особая сноровка –
Проверить все тетради,
*днёвки**

Для всех уроков подготовить,
Обед на завтра приготовить...
Мать засыпала за столом,
Тетрадь царапая *пером*** ...

5

На чтение отводился час.
Порядок строго соблюдали.
Мы с мамой вслух вдвоём читали,
Бежало время мимо нас.
Когда ж кончался *книг запас* –
Не за рублём, не за коврижкой –
К соседке шли за новой книжкой,
Бывало, даже в поздний час...

Походы те мне не забыть:
Сияла ночь, как антрацит,
И плотно заполняли мрак:
Трезвон сверчков и лай собак,
И пряно пахнувший *табак**** ...

2013

* Бывшая обузой для учителей необходимость (помимо ведения классного журнала) описывать ход каждого урока.

** Использовались ручки со сменными стальными перьями.

*** Название цветка.

Настоящий самолёт

Почему-то в нашем крае
Самолёты не летали
(Это было так давно!);
И познакомились мальчишки
С самолётами по книжкам –
На картинках – и в кино...

Летний день наполнен зноем,
Словно крынка молоком.
Самолётик стрекозою
Приземлился за холмом –
Первый, трепетный, блестящий,
Долгожданный, настоящий!

(То ль жара его сморила,
То ль *неведомая сила*).
Не рискуя ценным грузом,
Ведь в округе много скал,
Сел на поле кукурузном,
Сел и *будто бы пропал*...

По буграм бежали дети,
Помогал попутный ветер –
Столько лётчику вопросов!..
Громко *фыркая, урча*,
У ребят под самым носом
Самолёт дал *стрекача*.
На ходу хлестали крылья
Кукурузные *будылья** ...

* Стебли.

Для людей дошкольных лет
Никаких запретов нет –
И возник чудесный план
Строить свой аэроплан!

Детскую нашли коляску,
Хвост пристроили и тяги,
И на крыльях красной краской
Звёзды вывели *трудяги*.

На курган с трудом втащили
Одноместный *самолёт*,
Он, расправив гордо крылья,
Смело ринулся в полёт...

Уцелели лишь колёса
Да *пилот* с разбитым носом...

Всё *большое* непременно
Начинается плачевно.

2013

Игрушка

Отец мне подарил игрушку –
Не танк, не самолёт, не пушку,
Не пистолет, не паровоз,
А голубой...*мо-ло-ко-воз!*
(Каков *прогресс!* И все ж пока
Не обойтись без молока).
В кабине – место для шофёра,
Руль, тормоз, ключик от стартёра,
Люк наверху, чтоб бак залить,
И кран, чтоб бак опорожнить.
Возил я *молоко* соседке –
Печальным куклам рыжей *Светки*,
Бездомной кошке за сараем
С такую редкой кличкой – *Рая*.
В пустыню доставлял я воду:
Песочница – чем не Сахара?!
Там очень жаркая погода,
Да и воды там очень мало...
Игры прекрасней в мире нет
Для чад капризных детских лет,
Их “*рокот*” заполнял дворы:
Работал *транспорт* детворы...

Игрушку редкую до срока
Берёг я, как *зеницу ока*.
Так часто говорила мать
Мне перед тем, как ключ отдать.
(Ключ на груди – как амулет
Моих свободных детских лет).

2013

Дорога на Донец

Ребёнком я не раз *терялся*,
Пока не вырос, наконец...

Однажды летом на Донец
Я с *корешем* моим подался.
Мы точно знали: наша речка*
В Донец впадает недалечко.
Мы шли вдоль берега.

Цветы

Свои головки нам склоняли,
Над ними бабочки порхали
Необычайной красоты.
Стрекозы пялили глаза,
Те, шустрые – не городские –
Зелёные да голубые...

Наткнулись на *клубок ежа*
В тёмно-коричневых колючках.
Затем вдруг набежала тучка
И убежала без следа,
И в речке замерла вода.
Запрыгали во все концы
Большие, с палец, *кузнецы***.
Опять усердная кукушка
Раскалывала тишь.

Лягушки,

Заслышав нас, как по команде
Со страху прыгали в реку.
Кричал петух: «*Ку-ка-ре-ку!*»
За речкой в доме на веранде.

* Большая Каменка.

** Кузнечики.

На миг всплывали окуньки –
Круги смещались вдоль реки...

*В купальне** после всех забот
Плескался трудовой народ:
Сигали парубки с обрыва –
Глушили рыбок эти *взрывы*.
И мы (не подвела погода!),
Не зная броду, лезли в воду...

Дома остались позади...
Смеркалось. Был восток уж тёмн.
Брели мы сквозь колючий тёрн,
Сквозь *ежевичные сады*...

В царапинах болели ноги...
Нас подобрали, бедолаг,
Селяне на степной дороге,
Домой вернули на волах...

Тот день, тот дивный яркий свет
Я вижу через *бездну лет*.

2013

* Место для купания.

Картина

Висела на стене картина
В простой из тонких реек раме:
Висячий мост на светло-синем,
А на мосту – вся в белом – *дама*.
Внизу на мелком перекате,
С прозрачной, в проблесках, водою,
Рыбак в футболке полосатой
Да с шевелюрой золотою.
В траве густой средь васильков
Две белоснежные овечки...
Ах, как приятно босиком
Бежать по этой тёплой речке...

Здесь, на картине, что скрывать:
Рыбак – отец мой, *дама* – мать.
Но я, как все когда-то дети,
Ещё отсутствовал на свете...
Неразрешимая дилемма:
Приходит иль уходит время?..

Как жаль, что мамину картину
Война, увы, не пощадила,
И только память, как былину,
Картину эту сохранила.

2013

Кулачные бои

Вновь перед самою войной
Вернулись *старые разборки* –
Стеною шли в кулачный бой
Микрорайоны на посёлки.

Сменились лишь места боёв:
Не площади, не перекрёстки –
Средь недостроенных домов
Сражались парни и подростки.

Упорный *бой*, не взять *редут*:
Запреты нарушались в драке –
Шли в дело и казачий кнут,
И «*пугачи*» – сигнал к атаке...

В сарае штаб наш размещён,
В нём с потолка свисали флаги,
С пластинкой громкой патефон,
Портрет вождя, крест-накрест шпаги...

На той *диковинной войне*
Детей неопытных щадили:
В *тылу* держали, в стороне,
В разведке *хлопчики служили*...

Но перед общею бедой –
Неведомой, ужасной, страшной –
Вражда закончилась... Домой
Манило *воинов* вчерашних.

2013

“Альма-матер”

Краснодон, 1940-1941 годы.

1

Вспоминаю утро зимнее,
Путь-дорожку в *детский сад* –
Всё покрыто белым инеем:
И трава, и палисад,

Провода, мосты, ограда...
Завораживает даль:
Ах, какая же отрада
Мягкий праздничный январь!

Не увидишь резких линий:
Сбился фокус у Творца.
Все сияет. Белый иней
Не коснулся лишь лица.

Белый шарфик стал светлее,
И такая тишина!
Тихо, как у Мавзолея,
Словно замерла страна.

2

С мороза в тёплые палаты
Войдёшь – и сердце запоёт:
В *пеналах* – чистые халаты
И обувь фирмы «Скорород».

И с той минутки зримо, гулко,
Закружит нас другая жизнь.
Забавы, игры и прогулки –
Весёлый детский *коммунизм!*

3

Жила по праведным законам
Большая дружная семья.
Часы огромные со звоном
До сей поры всё слышу я.

Они отсчитывали время
Последних мирных летних дней,
Быстрее взросло *наше племя*,
И мир казался нам добрей.

Стояло ласковое лето,
И в парке дивные свои
Давали сольные концерты
*Шпакы́, зозу́ли**, соловьи...

А в *тихий час* в палаты наши
Входил прохладный полумрак...
Смотрел на нас с картины маршал –
Донецкий слесарь – наш земляк**.

4

Располагалась “*Альма-матер*”
В краю привольном и богатом,
Среди холмов, под солнцем ярким,
В соседстве с насыпью и парком.
 (“*Зелёный кут*” – по-русски: “угол”),
Напротив – станция «*Кокс-уголь*».
Два раза в день по два вагона
В срок отправлялись от перрона,
И постоянно в клубах пара –

* Скворцы, кукушки (укр.).

** К.Е. Ворошилов.

«Кукушки» свист и лязг металла.
С недавних пор включали утром
Огромный чёрный репродуктор,
Весь день на радиоволне
Он пел о... *будущей войне.*

5

А те три дня – одно мгновение –
Со мной остались навсегда:
У *полотна* – столпотворенье:
Пришла на Родину беда!
Мужчины, парни, бабы, дети
И разный транспорт гужевой,
Узлы раскрытые со снедью,
Гармошки, песни, пыль и зной,
Священник, плач, гул голосов
И красный лозунг на фасаде,
С букетами простых цветов –
Наш *детский садик...*

Уходит весь район на фронт!
В три дня осиротел народ.

2011

Река жизни

1942 год

Как мал Миус – совсем не Волга,
И всё же он – *герой-река*:
В тот *жаркий год* он очень долго
Геройски сдерживал врага,
Собою заслонив Донбасс.
Судьба оберегала нас.

Всё это время наши части
Стояли в нашем городке,
Те дни бойцам казались *счастьем...*
Потом, на *огненной реке*,
Их шумная, живая рать
Успела нам родною стать.

Стояли части *строевые*,
Как многоликая семья:
Свои сапожники, портные,
И повара, и пекаря...
Без их обыденной работы
Не одолеть врага пехоте.

Мне помнится: во взводе связи
Служил подросток – *сын полка*:
Весёлый, рыжий, долговязый,
Постарше лишь на три годка.
За ним, в пилотке со звездой,
Мальчишки бегали гурьбой.

Был родом из-под Сталинграда
Наш постоялец политрук,
Имел военные награды,
Фамилию чудную – Жук.
Он часто вспоминал о дочке,
Читал из её писем строчки.

К нему *тянулись* все соседи –
Живой, *взаправдашний* герой.
Он иногда, на зависть детям,
В поездки брал меня с собой.
Пайком делился фронтовым,
Казался чуть ли не родным...

Родник на дне глубокой балки
Мне вспоминается порой:
В высоком кузове все баки
Уже наполнены водой –
Блаженный перекур бойцов
В тени раскидистых дубов...

Нередко из раскрытых окон
Звучало танго в поздний час –
Пел патефон *про тёмный локон,*
Про пальмы, море... И для нас
Казался дальнею грозой
Гул несмолкающего боя...

Рвались фашисты этим летом
На Дон, на Волгу, на Ростов.
Внезапно – тихо, на рассвете,
Войска покинули наш кров.
Ушли солдаты на восток –
Вмиг опустел наш городок...
От горечи – сжималось сердце:
Вот-вот ворвутся в город немцы...

*P.S.
Освободили нас зимою
После несчётных бед и мук...
Однажды летнюю порою
В наш дом вошла... Оксана Жук.
В её очах, в её лице –
Живая память об отце* ...*

*И снова, как и год назад,
Бои гремели на Миусе.
Соседка, глядя в образа,
Шептала: “Господи Иисусе” ...*

2011

* Николай Жук погиб на родине в Сталинградском сражении.

Накануне

Июль 1942 года.

Который день бушуют страсти:
В кольце немецком городок!
Парализована безвластьем,
Жизнь стала зыбкой, как песок.

Идёт *делёжка благ последних.*
Народ, за шуткой пряча стыд,
Хоть что-нибудь (что проку в деньгах!)
На чёрный день *прибрать* спешит.

Здесь будто бы прошлись с метлою
По всей торговле городской;
Пекарня стала вмиг пустою,
Лишь пахнет хлебом и мукой.

И в маслобойне та ж *картинка:*
Разобран жмых, как божий дар.
Жизнь тихо теплится на рынке,
Обменным пунктом стал базар.

В соседних сёлах и деревнях
(Селяне – опытный народ!)
Собрали дар полей отменный,
Зарыли, немец не найдёт!..

А пацаны, да и подростки,
На *стай* быстро разделясь,
Туда *врываются геройски,*
Куда их не пускала власть.

Поверить трудно: мы – в *Госбанке!*
На чердаке там – благодать:
Открытки яркие и марки,
Сургуч и круглая печать,

И прихватив с собой *на память*
Блестящий чёрный телефон,
Бежим в *Подстанцию*: она ведь
Одна на крупный наш район.

Опоры ЛЭП стоят здесь рядом,
Связав собою весь Донбасс.
Тревожный гул и треск разрядов
Пугают, но и манят нас.

Взорвали шахты – стало тише...
Вот-вот в Донбасс войдут враги!
Мы на ветру бросаем с крыши,
Как флаги, ленты из фольги.

А вот мы, наконец, шалея,
Баранки крутим в гараже.
Кому-то вдруг *пришла идея*:
Покрышки старые поджечь...

Здесь летней ночи срок не долог,
Дремал тревожно *род людской*,
Был слышен даже лёгкий шорох.
А над притихшею землёй
Вздымался смерч: горели шины,
И серебристая фольга
На тополях, как паутина,
Дрожала, трепетно-легка.

Толкались куры на насесте:
Им снился завтрашний погром.
Сверчки слились в одном оркестре.
И пахло, как перед дождём,
Ночной фиалкою душистой...
А утром к нам пришли фашисты,

2012

* * *

Краснодон, 20 июля 1942 года.

С неделю затишье стояло:
В кольцо угодил городок.
Внезапно земля задрожала:
Фашисты пошли на восток.

Машины их в облаке пыли,
Телеги на мягком ходу;
Гремящие танки дымили,
Несли в наши земли беду.

С надсадным прерывистым свистом
Пронзали “кресты” облака...
О, как ликовали фашисты,
Ну как же: победа близка!

Звучали губные гармошки.
И смех перекашивал рот...
Три дня краснодонской дорожкой
Шагал *разноликий народ**.

А сколько дорог таких рядом!
Какая несметная рать!..
Как трудно. Как трудно! Но надо
“*Незваных гостей*” изгонять.

2010

* Кроме надменных немцев, шли, ехали на мотоциклах и даже на велосипедах смуглые улыбающиеся итальянцы, угрюмые румыны и мадьяры. У дороги сновали любопытные мальчишки, были также женщины, старики и старухи, ещё не знавшие, что их ждёт впереди. Среди них выделялся высокий худой старик в полной казачьей форме. Мальчишки с ненавистью смотрели на него.

Старая арба

Август 1942 года.

Жизнь стала мрачной и суровой,
Журба* вселилась в каждый дом.
Знакомил нас с «порядком новым»
Листок с распластанным орлом.

Пришло на помощь *провиденье*
(О как изменчива судьба!):
Несла надежду на спасенье
Простая старая арба.

Жара, волы, возница древний,
В арбе горой – нехитрый скарб:
Бежали от беды в деревню,
Там долю лучшую искать**.

Клонило в сон, арба скрипела,
Я, свесив ноги *на корме*,
Дремал под жаворонков пенье,
А город таял в синей мгле.

И вскоре стал совсем невидим,
Лишь терриконы на холмах –
Степей донецких *пирамиды* –
Домой указывали шлях.

* Печаль (укр.).

** Предложил нам на время уехать в деревню и организовал эту поездку наш зав. ГорОНО, хорошо знавший всех учителей района.

Природа дарит семя долу,
Она спокойна, как пророк.
Жирует суслик в эту пору
И в нору зёрна прячет впрок...

И вдруг фашистская армада
В своих *расколотых крестах*
Затмила небо – к Сталинграду
С тяжёлым грузом рвался враг*.

И долго гул тревожил сердце...
Сомкнулась снова тишина.
Который день скорбит под немцем
Моя родная сторона...

Сбежал в пути наш кот сибирский.
Был слишком долгим этот день.
Возница наш, склонившись низко,
Угрюмо молвил: *“Быть беде!..”*

И вот – деревня под горою:
Всего две улицы и пруд,
Плотина, балка в дымке зноя,
И школа в центре, где нас ждут.

2012

* Конец августа – день первый массовой бомбардировки Сталинграда.

* * *

Я был “талантливым ребёнком” –
Меня любила вся родня:
То был улыбчивым и звонким...
То вдруг грустил средь бела дня.
И рисовал я Кремль отменно
И *вдохновенный лик вождя...*
В грозу соседи непременно
Меня спасали от дождя.
Конфет и лакомств не жалели,
А дождик радостный пройдёт –
Усадят *кроху* на колени –
И *умиляется* народ...

В один из дней суровых, грозных –
Мелькал *войны калейдоскоп* –
В огромной бочке на морозе
Крестил меня... *немецкий поп*
В шинели, рясою прикрытой...
Испуганных мальчишек ряд...
А снег сиял, как на открытках,
Им присланных из *фатерлянд*.
Крестились набожно старушки
И дым из труб валил столбом.
И громыхали грозно пушки
В степи бескрайней за Донцом.

2010

В деревне

Август 1942 – февраль 1943.

Нашу школу видно издалёка,
Беспокойный, словно улей, дом,
С русской печкой и с крыльцом высоким.
В этой школе мы теперь живём.

Тихо здесь, как до войны на даче –
На восток *армада* подалась.
Свой старик здесь старостой назначен,
Редко к нам заглядывает власть.

От поборов лучшая защита:
Ночь глухая и глухая степь.
Всё от лишних глаз надёжно скрыто,
Тёмной ночью выпекают хлеб.

На горе *ветряк*,* как сумасшедший,
Прогоняет яркую луну.
Стонет сыч – предвестник страшных бедствий –
Как их много на одну страну!..

Станный гул в глухой ночной усадьбе –
Всюду жизнь (о ней судить не нам!) –
Редкий случай: здесь *играют свадьбу*,
С горечью и болью пополам.

Принесло военным ураганом
Жениха к заветному крыльцу
(В декабре его, как партизана,
Немцы расстреляют на плацу)...

* Ветряная мельница.

В двух просторных школьных помещениях
Жил директор с шумною семьёй.
Очень скоро с *младшим населеньем*
Подружился – *не разлить водой...*

Как не схожи взрослые и дети:
Рай нам балка солнечной порой,
Запах дуба, светотеней сети,
И родник с прозрачною водой.

Манит пруд в хорошую погоду:
Есть там плот и шест вместо весла –
Море, парус, бегство от погони:
“Флибустьеры” – славная игра...

К сельской школе не привыкнешь сразу:
В классе в ней – четыре ряда парт,
И на них – четыре разных класса
На уроках рядышком сидят.

Нелегко, наверно, моей маме:
Как же ей приходится спешить,
Чтоб четыре разные программы
Детям непослушным объяснить!

В книгах тушью многие страницы
Извели усердно господа,
Даже текст задач, где говорится
Про успехи общего труда...

Словно исключение из правил –
Новой власти преданный слуга –
Жил в селе старик, он дочь отправил
На работы *в логово врага*.

Он Ивана, нашего солдата,
(Знать бы, что готовит нам судьба!)
На *базу** от немцев долго “*прятал*”,
Содержал, как *чёрного раба*.

(Сколько их попало в окружение –
Отступали – не догонишь фронт).
При бомбёжке Ваня, здесь в деревне,
Был убит, чужой спасая скот...

...Время шло. Представилась возможность
Дом проведать, встретиться с роднёй.
Не забыть, как пусто и тревожно
Городок наш выглядел родной.

Помню утро раннее. Спросонок,
Слышу в доме тихо говорят:
“*Просыпайтесь, как ликует город!*
Наши флаги красные висят.”

На копрах по воле человека
Плещут флаги гордо на ветру,
Ведь сегодня – ровно четверть века
Самой славной дате – *Октябрю!..***

*.Хозяйственные постройки.

** Ночью накануне 7 ноября 1942 года в Краснодаре молодогвардейцы в нескольких местах водрузили флаги.

Подошла зима. Она укрыла
Белым снегом серые поля.
Мы с горы *слетали*, как на крыльях,
На больших корзинах для белья.

Из мороза к тёплой русской печке
Прибегали, радостно дыша...
И не знали детские сердечки,
Что другая жизнь, увы, пришла!..

Оказался прав старик-возница:
После сталинградского *кольца*
Враг решил надёжно закрепиться
На высоком берегу Донца.

Появились лютые фашисты
В чёрной форме грозного "СС",
Высоки, как на подбор, плечисты,
В голубых глазах железный блеск*.

Вдоль дорог враги сжигали хаты,
Расширяя танкам кругозор,
Партизан искали их солдаты,
Обходя в селеньях каждый двор.

Вот он и у нас – «*порядок новый*» –
Как порой непостижима жизнь! –
Расстреляли немцы возле школы
Своего. (Он был – антифашист).

* Эсэсовцы заняли нашу школу; мы перебрались в здание бывшего правления колхоза, а позже – в его подсобные помещения.

Сталинград прибавил немцам злости.
И усвоил русский человек
Те слова, что так любили “*гости*”:
“*Ахтунг, шнеллер, хэндэ хох и вэк.*”*

Прятали детей. Их не успели
В страшную *Неметчину* угнать:
Все бумаги в городе сгорели –
*Снизошла на землю благодать...***

Встал Донец. И в бой пошли солдаты
На высокий берег огневой –
Мать-пехота, острый штык, гранаты –
Самый страшный рукопашный бой!

Разлетались комья почвы стылой,
Стон стоял над древнею рекой...
Здесь, в степи, две улицы пустынных
Дорогой оплачены ценой.

2012

* Внимание, быстрее, руки вверх, вон (нем.).

** Многие годы в центре Краснодона стояли руины «Биржи труда», сожженной молодогвардейцами.

Итальянцы на войне

Зима 1942 – 1943 гг.

Восточный фронт,
Донская степь,
Заснеженных окопов цепь,
В них *итальянцы на войне*
Мечтают о спагетти и вине,
О тёплом доме, только не о женщине:
Мороз и голод;
На руках и на лице,
Как патина, чернеют трещины.
Спагетти бы, вина иль пиццы –
Тогда бы можно и взбодриться.
Бросает *аппарèкè** с неба –
Нет, не консервы с хлебом –
Пакет с конвертами.
От этого ещё больней *ефрейтору*.
Гремит в морозной дымке *пàнцер***,
Тревожно замирает сердце,
Курок нажать не в силах пальцы,
И никуда с земли не деться...
Коль уцелеть поможет Бог –
Накажет детям,
Чтоб не ходили на восток
Войной в донские степи...
Хозяйки здешние припоминали: “*Летом,
Шагая на восток, в отличие от прочих,
Они, потупя взгляд, просили млеко,
И отказать им не хватало мочи.
Они не грабили базы и огороды,
В них спеси не было в ненужном им походе*”.

2010

* Самолёт (итал.).

** Танк (нем.).

Чёрное и белое

Дома в деревнях и станицах
Из белого известняка
Под камышом иль черепицей
Ласкают глаз издалека...

Война, как смерч, неумолимо
Меняет краски на бегу –
Цвет чёрный: гарь и клубы дыма,
И жертвы – точки на снегу.

После бомбёжек и обстрелов,
После пожаров в горький час –
Контраст на солнце чёрно-белый
Почти невыносим для глаз.

В разрывах снежные просторы...
Цвет белый, словно лист пустой,
Не создаёт препятствий взору,
Как на иконах – золотой.

И потому на нём рельефней
Рисует *свой узор* война.
Как жутко ночью над деревней
Сияет мёртвая луна.

2011

Портрет мамы

В нём столько жизни, страсти столько,
А ведь всего – застывший миг:
Улыбка, чёлочка – *под польку*,
На тёмном – белый воротник;
В расцвете самых лучших лет
Запечатлел её портрет.

Он, довоенный, чёрно-белый,
Пробитый пулей в ту войну,
В моём воображенье смелом
Легко мог прошлое вернуть.
Ведь от него с тех давних лет
Исходит затаённый свет...

Я помню день военный, страшный:
Из погреба, где кров нашли,
С опаской, после бомб вчерашних,
Мы с мамой в дом родной вошли:
Руины, сверху – неба свет,
Но чудом уцелел портрет.

Бывают чудеса на свете:
На свежавыпавшем снегу
Мать улыбалась нам с портрета
Наперекор судьбе, врагу...

2012

Запах кофе

Январь 1943 года.

Наш дом – колхозное владенье,
Из камня, с *растисным* крыльцом,
Был занят *пришлым* "населеньем",
Сараи – место для жильцов.
Огромный Фриц – весёлый повар,
Легко мешки с *харчами* нёс,
Прижав к бокам, дыша, как боров.
Пар в иней превращал мороз.
На тех мешках (во всём *порядок!*),
Как говорят сегодня, *брэнд* –
Большой ладони отпечаток,
Пугал кроваво-красный цвет.
На кухне Фриц, стуча ножами,
Готовил завтрак *господам*.
И запах кофе плыл над нами,
Доселе *незнакомый* нам...

Ночное наступленье *наших!* –
Вдруг стал наш дом *передовой* –
Бой разгорелся скорый, страшный,
Гремело, выло за стеной...
Той ночью *драпанули фрицы*.
Зияли в комнате пустой
В стене огромных две бойницы.
Оставлены мешки с едой,
Пожитки брошены врагами;
Звенели гильзы под ногами,
Плыл едкий дым пороховой,
Смешавшись с кофе и золой.

2011

Один день в январе сорок третьего

1

Заря сиянье расплескала
И воцарилась тишина.
В деревне *наши!* Мне казалось –
Для нас закончилась война.

Наш дом – приют бойцов – застава
У большака в краю степном.
Дом пропитался снегом талым,
Солдатским крепким табаком.

На кухне спорилась работа,
Шёл из трубы седой дымок.
У каждого свои заботы,
Ведь краток передышки срок:

На сапогах сменить набойки,
Отправить весточку домой*,
В какой-то век прилечь на койку,
Блаженство чувствуя спиной.

Надев очки, ефрейтор хмурый
Готовил к бою автомат.
От этой важной процедуры
Мальчишкам глаз не оторвать.

У них у каждого в ладошке
Солдатский серый твёрдый хлеб** ...
Присел побриться у окошка
Сержант – весёлый парень Глеб...

* Особенно ценились у солдат химические карандаши; написанное ими трудно стереть. Такие письма могли сохраниться до наших дней.

** Хлеб не успел оттаять и поэтому казался особенно вкусным.

2

Знакомый рокот – «*мессершмит*»!
Взрыв за окном. Качнулись стены.
Нежданный вражеский *визит*,
У Глеба кровь на белой пене.
И едкий дым в одно мгновенье,
Клубясь, заполнил помещенье.

И в том дыму возникла мать,
В руках у мамы... одеяло.
Бежали в сени *стар и млад*,
Надеясь спрятаться в подвале...
Вот, наконец, закрыта *ляда** –
Успели! Вырвались из ада!

Нас много в жуткой темноте...
Вдруг страшный треск раздался рядом.
И стало тихо... Плач детей,
Да чей-то стон, молитва чья-то...
И даже там – у края бездны –
Не покидала нас надежда...

Солдаты вызволили нас
Из-под разрушенного дома.
Казался ярким снежный наст,
Казалась местность незнакомой...
Остались в памяти ребёнка
На белом чёрные воронки.

* Дверца на полу, открывающая вход (лаз) в подвал дома, который обычно находился в сенях.

3

Всё с тем же красным одеялом,
Прижатым бережно к груди,
Стояла мама и решала:
Что делать нам? Куда идти?
Одна надежда – погреб школьный!..
Под нараставший в небе гул
Бежали мимо хаты чёрной
И тел, лежавших на снегу...

И вдруг – пальба из пулемёта,
Звонящий бреющий полёт:
Охота! Страшная охота! –
На нас с небес взирал пилот.
Картина редкая предстала:
На удивление врагу
Внизу под красным одеялом
Лежали люди на снегу* ...

Как время медленно идёт...
Нас *образумил* голос громкий:
Солдат с машины, сбавив ход,
Велел нам спрятаться в воронке...
Исчезла, как мираж, машина,
Но в памяти с тех давних лет –
Солдат, кричавший из кабины,
И дверцы порванный брезент** ...
Воронка свежая дымилась –
В *несущей смерти* – нашли покой!
Она еще тепло хранила
И пахла серой и землёй...

* Позже на краю одеяла мы обнаружили следы от пуль.

** Из-за нехватки металла на некоторых грузовиках дверцы кабины были брезентовыми.

4

Сюрприз на финише *похода*
Нас ждал в заветном погребке:
Два смуглых парня из хозвзвода
Варили пищу в котелке.

Какая мирная картина!
Какие щедрые бойцы!
И как вкусна была... *конина*,
Картошка наша, огурцы...

Стрельба усилилась... Смеркалось.
Горела школа – добрый сруб,
И тени длинные метались
На белой площади вокруг...

И снова – поиски жилища!
Шли от двора и до двора.
В одном из них нас, словно нищих,
Пустили в погреб до утра.

Под грохот боя засыпали
На лавке, сидя у стены...
Как пригодилось одеяло
В тот самый долгий день войны.

2013

Люди подземелья

Зима 1943 года.

1

Не первый год война идёт,
Метёт снега зима вторая,
И на краю деревни *фронт*
Который день не затихает.
А на другом конце деревни
На склоне балки, среди деревьев,
Колхозный уцелел подвал –
Для погорельцев – сущий дар.
И мы в нём кров свой обрели,
И выживали, как могли.
Невзгоды, что легли на плечи,
*Гуртòм** одолевать полегче
В забытом “*замке*” под землёй,
В снегах за каменной стеной.
В подвале полки – чем не нары?!
Столы и стулья – *бочкотара*.
Там был очаг. И не простой:
Из кирпичей – передвижной.**
Когда его передвигали –
Мальчишки греться прибежали
На пышущий теплом бетон,
С собой несли свои игрушки...
На нарах сдерживала стон
Больная ветхая старушка.
И призраками в тусклом свете***
Казались взрослые и дети...

* Вместе (укр.).

** Основой очага служил большой стальной противень, найденный в подвале.

*** Светильники (*коптілки*) представляли собой сплюснутые гильзы с толстой тканью, пропитанной керосином.

2

По вечерам, когда стихало,
Дома *сидельцы* навещали,
Одoleвая страх гнетущий.
Свои обшарив *закрома*,
Несли одежду, *хлеб насущный*
И, обязательно, – дрова,
И новости последних дней –
И все – одна другой страшней:
Кто покалечен, кто убит,
Чей дом снарядами разбит,
И что немецкие солдаты
Швыряют в погреба гранаты.
И *эта новость*, как репей,
Застряла в памяти моей...

3

Однажды ночью мать ушла
И не вернулась до утра.
Весь день на *том* краю селенья
Бой не смолкал ни на мгновенье.
Чужая мама, пряча взгляд,
Меня пыталась приласкать,
Но я, забившись в тёмный угол,
Весь этот день о маме думал,
Кого-то сильного просил,
Чтоб *мамин погреб* защитил...

Лишь ночью воротилась мать.
Меня до боли поразили:
И первая седая прядь,
И слёзы, что она не скрыла,
С собою мама принесла
Моё пальто, еду,... дрова...

Настиг её перед рассветом
Бой *уличный* среди дороги –
Забилась в погребок к соседям.
Был день тот бесконечно долгим...
И только на закате мглистом
Солдаты *выбили* фашистов.
Остались на снегу примятом
Следы врагов и их... *гранаты* –
Им совершить свой “*ритуал*”
Боец безвестный помешал* ...

4

В нашем *доме* под землёю
Был огромный *спрос* на... снег,
Вёдра прихватив с собою,
Ночью крался я *наверх*.
Там снег скрипел, сияли звёзды,
И *упоительным* был воздух
После сиденья в подземелье.

* Удивительно: в детстве случившееся казалось мне естественным, благодаря моей *просьбе*; с возрастом эта история приобрела для меня почти мистический смысл.

По чердаки в снегу селенье,
И ни дымка, ни света из окна.
И только всполохи и взрывы
Напоминали, что идёт война
И мы ещё покуда живы.
Ночь фронтовая над землёй –
Обманчив временный покой...

Запомнился *поход* последний:
В овраге ближнем – строй военных,
И очень странные машины –
Стальные *рельсы* над кабиной.
Я *доложил* без промедленья
О том, что видел *наверху* –
Счастливый шёпот: “*Наступление,*
«Катюшу» не сдержат врагу.”

И на заре загрохотало:
Казалось, стонет ураган,
Казалось, будто лист металла
Трясёт над нами великан...
Донская вольная сторонка –
Народов вековечный кров,
Не в первый раз пришлось так громко
Гнать со своей земли врагов.

2013

Дорога домой

*14 февраля 1943 года.**

Мы шли по снежной целине,
На большаке гремели танки,
На них в небесной синеве –
Бойцы в шинелях и ушанках.
Грохочущий железный вал
Слова и крики заглушал.

Среди сияющих полей
Встречались чёрные плешины** –
Земля сгоревшая. На ней:
Тела врагов и их машины.
Старалась мама каждый раз
Мир заслонить от детских глаз...

Вдруг, как узор на полотне,
Возник знакомый контур шахты –
И радость вспыхнула во мне:
Там дом, друзья – *мои пенаты!*
У мамы мысли о другом:
Как будем жить? И цел ли дом?
Жива ль родня? Сестре – не легче:
Ещё бы – трое на руках!

У мамы опускались плечи:
Давил к земле тяжёлый страх.

* В этот же день была освобождена столица Дона – город Ростов, расположенный в двухстах километрах южнее Краснодона; оба города были оккупированы почти одновременно в июле 1942 года. Схема наступления наших войск на Краснодон приведена ниже.

** Места попадания залпов «катюши».

*Как хорошо, что есть свой “угол”,
Где печь-кормилица тепла*...
В сарае был припрятан уголь...
Забор сгодится на дрова**...
И школу, может быть, откроют,
Да и весна не за горою...
Не будет жуткого подвала
И свиста бомб... Конец войне...*

*Мать хмурилась и улыбалась,
Сжимала крепче руку мне***.*

2013

* Для того, чтобы очистить печь и дымоход от сажи, вынимали *помеченные* кирпичи, выдвигали *вьюшки* (задвижки), сажу *выталкивали* вниз с помощью длинных кукурузных будыльев.

** Родные наши выжили, дом уцелел и даже уголь сохранился. Штакетник от забора пошёл на растопку. На оставшиеся столбы натянули проволоку, отчего двор наш стал казаться просторнее. *Щель* (окопчик) в огороде, где мы прятались от бомбёжек, засыпали золой за ненадобностью.

*** Школу, действительно, вскоре открыли, а весна была ранней и дружной.

Как-то раз к нам из деревни пришёл тот самый старик, по вине которого погиб попавший в окружение солдат Иван. Он просил маму подписать бумагу о том, что никакого солдата в деревне не было. Мать подписывать бумагу не стала, а старика не пустила в дом.

Какова была наша радость, когда однажды тот же возница на той же арбе, на которой мы когда-то уезжали в деревню, привёз нам наши вещи, в том числе кровать с сияющими шарами (подарок деда), “пропавшую” после того, как наш дом разбомбили.

Часть II

В войну и после войны

Государственный экзамен

1959 год

Сегодня грустно
В этом добром здании:
На днях расстанемся,
Мой МГУ.
Волнений нет
На выпускном экзамене:
Предмет несложный –
Одолеть смогу*.

За окнами сияет снег...
Завьюжило...
Преподаватель,
Вежливый, седой,
Как с равным, доверительно,
По-дружески,
Не торопясь,
Беседует со мной.

Билеты на столе
И... *«Дело личное».*
Он первую страницу
Прочитал...

* История КПСС.

Вдруг замерло
Лицо его привычное:
“Из Краснодона Вы?” –
И замолчал...

Сияет снег,
Как той зимой морозною,
В тот день февральский –
Радостный, шальной –
Когда мы с мамой,
Молодой, серьёзною,
На *танке* возвращались
В город свой.

В степи нас подобрали
Наши воины
(С узлами по сугробам
Мы плелись).^{*}
И тот *поход* –
Освобожденье родины –
Запомнил я надолго –
На всю жизнь.

Наш городок
Очищен был *без выстрела* –
После боёв
На берегах Донца...
О время, время! –
Колесница быстрая
Во власти
Своенравного гонца...

^{*} 14 февраля 1943 года мы возвращались из деревни Ворошиловка (ныне – Дружное) в 13 километрах от города, где до этого велись ожесточенные бои. От дома, в котором мы жили, остались одни развалины.

Как мечется душа,
Былым задетая...
Экзаменатор, наконец, изрёк:
*“Я в феврале, представьте,
Сорок третьего
Освобождал
Ваш тихий городок.*

*Бригада наша ворвалась
Стремительно.*
Народ вокруг,
Встречая, ликовал.
Я помню до сих пор,
Как ослепительно
На тёмных терриконах
Снег сиял”.*

И не взглянув в билет мой,
Он размашисто –
«Отлично», –
Мне в зачётке написал.
Глаза он прятал от меня,
Мне кажется,
Печальные
И влажные глаза.*

2010

*. Краснодон освобождала 3 танковая бригада.

** Мир тесен. Отец моей однокурсницы на физфаке МГУ Никифор Фёдорович Унжаков – лейтенант 1008 стрелкового полка 266 Артёмовской дивизии – тоже участвовал в освобождении Краснодона. Сохранилось его письмо с фронта, в котором он писал, с какой радостью и добротой встречали жители города наших воинов. Н.Ф.Унжаков был ранен в 1945 году во время штурма Берлина.

Цыганский табор

1943 год

Война поднимала с насиженных мест.
Нередко квартиры в домах пустовали.
Бездомные с радостью их занимали,
Соседи искали *теплее насест*.

Когда *налегке* мы вернулись домой
(Когда-то в село на арбе уезжали),
Мы в нашей квартире, представьте, застали
Весёлых цыган, ставших к нам *на постой*.

В безвластье не счесть “*положительных*” *черт!*
Понять, вас, *ромалэ*, конечно же можно:
Зима в том году оказалась морозной,
Так много поэтому горестных жертв.

Ещё продолжались в округе бои...
Мы кров отыскиали себе по соседству,
Поверьте, такое случается в детстве –
В том *таборе* я оказался *своим*.

По улицам *шастал* хозяин-мороз.
И стены в квартире насквозь промерзали,
Цыгане погреться к себе зазывали.
Выходит, мороз меня в *табор* занёс.

В том пёстром и шумном особенном мире,
В избытке *артистов* и много детей,
Там время летело среди игр и затей,
И было просторно нам в тесной квартире.

Любил я игру (называлась: «*Кто выше?*») –
Как трудно попасть на вершину горы!
Давно не встречал той *картонной* игры.
Театрик теней – целый мир для мальчишек!

Порой приходилось возиться с младенцем –
Спокоен, как *Будда*, лукавство в глазах –
Как будто держал у себя на руках
Живое, в ладони мне бьющее, сердце...

А как хороша *из огня* кукуруза,
Ну, чем же не наш современный *поп-корн*?
Зимой мамалыга, когда с сахарком,
Для братьев голодных вкуснее арбуза.

Сходились цыгане. *Делили “улов”*.
Закончив дела, разбирали постели.
И вместо молитвы вполголоса пели
Печальные песни почти что без слов...

Весною *наш табор* куда-то исчез.
Нарушив обычаи, гордо и смело,
Остался лишь пылкий цыганский *Ромео*,
Влюблённый в *красотку*, живущую здесь.

Цыган оказался шофёром искусным.
А вечером летним у окон *её*
Дарил нам другое искусство своё,
Играя на скрипке душевно и грустно.

2011

У шурфа шахты № 5

Краснодон, февраль 1943 года.

Не смолкают боёв отголоски.
У стены на снегу – скорбный ряд:
Комсомольцы, едва ль не подростки,
Обращённые к небу, лежат.

Их шахтёры выносят, как мощи,
Поднимая на свет из земли.
С каждой новой жертвою – громче
Стон и плач матерей и родни.

Здесь, наверно, полгорода в чёрном.
Чёрный цвет – цвет беды и молитв.
Снег на солнце в глазах воспалённых –
На блестящий похож антрацит.

Мамы их молодые – в седилах,
Их глаза – как отчаянья крик.
Будь я вправе, то всех, до единой,
Я причислил бы к *лику святых...*

Террикон величав и спокоен –
Очевидец тех грозных годин.
Он, конечно же, помнит героев.
Он в бессмертие их проводил.

2010

Расстрел предателей

Краснодон, 19 сентября 1943 года.

Их было трое
У стены кирпичной
Стоявшей на пригорке
Бани городской.
Был этот день
По существу – обычным,
Для них – последним
На земле родной.

Земля песком
Присыпана под ними,
Как здесь по праздникам
Дорожки возле хат.
Штакетником –
Дощечками простыми –
У той стены
Был выгорожен ад.

Повязаны их руки
За спиною.
О, как ужасен вид
Дрожащих этих тел!
Старик высокий
Страшен худобою,
А лица всех троих –
Белы, как мел.

В том городе
Всё знают друг о друге,
Там жизнь суровая –
Вся на виду она.
Неверный шаг –
И не уйти *из круга*:
Всему даст цену
Страшная война!..

Большой «ЗИС-5»
С раскрытыми бортами,
На нём – *казённый* стол
И скатерть, словно кровь.
Да судьи,
Чьи погоны с галунами
Для жителей в ту пору
Были в новь.

Конвойных трое –
Бравые солдаты.
Но только почему
В глазах таится страх?
В руках у них –
Простые автоматы,
Повязки красные
На рукавах.

Один из судей
Приговор короткий
В хрипящий чёрный рупор
Громко прокричал.
А эхо повторило,
Только робко –
Треск выстрелов
Команду заглушал.

Взлетели птицы –
Небо стало тёмным,
Бежали бабы, причитая,
Кто-то выл...
Увидеть казнь –
Душе урон огромный!
До сей поры
Ту боль я не забыл!..

Как дома оказался –
Я не знаю.
В чулане, как щенок
Испуганный, скулил...
Конечно, презирал я
Полицаев,
Тюленина – почти
Боготворил.

Всё выглядит иначе
На экране...
Во мне мир рушился,
Как будто в страшном сне.
И лишь слова и руки
Моей мамы
Вернули чудом
Снова детство мне.

2010

Горькие приметы

1943 год

1

Дни вернулись *славные*:
Миновали беды!
Но война оставила
Горькие приметы:

Здания разбитые,
На курганах *стылых* –
Наскоро зарытые
Братские могилы.

Техника фашистская
Шлях *заполонила*:
Быстро *рать арийская*
Ноги уносила.

Вся в металл одетая,
До поры, до срока
Злая сила смертная
Спряталась в окопах.

Снегом запорошенный
Арсенал богатый:
Тьма патронов брошенных,
Мины да гранаты.

В те окопы страшные
На войну героически
Шастали отважные
Дети и подростки...

2

Ах, как небо хмурится,
Ветер тучи гонит.
На соседней улице
Мальчика хоронят

Под большой ракитой
В огороде, с краю.
Громко по убитому
Женщины рыдают.

Мать застыла бледная,
Будто неживая...
Жизнь погасла светлая,
Детская, святая...

Место здесь высокое –
Всё, как на ладони,
Видно даже *с облака*
Как дитя хоронят...

Ребятишки здешние
Замерли в сторонке.
Жутким был, конечно же,
Стон надрывный, громкий.

Чужды детям взрослые
Скорби и печали –
Книгу жизни грозную
До поры читали.

2011

Линейка

Осень 1943 года.

Подзабытое слово «*линейка*» –
Чудный транспорт: простой, гужевой.
Пассажиры на гладкой *скамейке*
Восседали друг к дружке спиной.

На *линейке*, конечно же, тесно,
Но зато в непогоду теплей,
И удобно рассматривать местность,
А не только хвосты лошадей...

Снаряженьем надёжным владея
(Сапоги, длинный плащ, капюшон),
Объезжал на *линейке* Фадеев
Краснодонский разбитый район.

Лучезарный, общительный, крепкий,
Белорозовый и молодой –
Мужики – те хватались за кепки,
Бабы – кланялись, чувствуя: "*Свой!*"

Жили в том городке не *халдеи*,
А степенный шахтёрский народ.
Говорили: "*Приехал Фадеев.*
Он опшет. И он – не соврёт!.."

В «*Клубе Ленина*» – встречи, концерты...
Пацаны (что проходит без них?!)...
Москвичи – те нарядно одеты,
Мы – в ужасных "*обновах*" своих.

Всё давно на *харчи* променяли –
Из немецких шинелишек *клёш*.
Нам подарки Москва присылала,
Да на всю детвору – где возьмёшь?!

2010

Первопроходцы

1944 год

1

Очень странная *колонна*
Там, в степи за *Краснодоном* –
Три телеги в детский лагерь,
Поднимая пыль, везут:
Провиант, палатки, флаги
И совсем уж *слабый люд*.
Словно бравые солдаты,
Впереди идут ребята,
Песни бодрые поют...

До *Большого Суходола*,
У излучины *Донца*,
Шли два дня дорогой голой,
Ей, казалось, нет конца.
Наливался в поле колос,
Кланялся подсолнух в пояс.
Удивляли нас полёты
Синей птицы в небесах,
Ласточек *живые ноты*
На поющих проводах...

2

Вечер нас застал в *Дуванной*.
Говорят: давным-давно
Злые орды *Чингиз-хана*
Здесь *дували добро**.
Молчаливые курганы
Тайны древние хранят.

* Делили добычу.

В балках спрятались туманы,
Медленно погас закат.
В тёмном небе месяц алый.
Всполохи зарниц вдали –
Словно где-то продолжались
Те, недавние бои...

3

Новый день. Жара – за тридцать,
И труднее в гору путь.
Строй наш *бравый* превратился
В *неуклюжую толпу*.
И опять тревожно пели
У дороги провода,
Суслики у нор сидели
И свистели иногда...

Наконец с горы открылись:
Лес, река невдалеке,
Вмиг толпа преобразилась –
С криком ринулась к реке,
И бежала так красиво...
И откуда взялись силы?

4

Не *бродяги-пилигримы* –
Обустроить быт смогли мы:
В школе – "*красный уголок*",
Малыши и "*пищевблок*".
Кто постарше, те – в палатках
На утоптаных площадках.

На колхозном сеновале
Мы матрацы набивали
Под обрез травой пахучей.
И старался *наш народ*,
Чтобы не попал *осот*
Да репейник, злой, колючий.
Заправлял на сеновале
Дед Щукарь не шибко старый.

5

С едой бывали перебои...
Запретный плод так сладок нам —
Нашлись *отважные герои*,
Умельцы *лазять* по садам...
В колхозе мы в иные дни
Свои имели *трудодни!*
Нас посылали на *левады**,
Мы в поле подбирали *хлеб***.
Был для мальчишек как награда —
Поход за сусликами в степь.

Манили нас речные плёсы,
Заречная степная даль...
С водою бочка на колёсах,
Худая лошадь, *дед Щукарь*.
И нас не мучили сомненья
За наше *злое* поведение:
Мы в норы воду заливали —
Бедняжки сами выползали.

* Огороды.

** Колоски.

Сверх нормы "смелые герои"
(Тот страх я помню до сих пор)
Суровой ниткой со смолою
Таскали пауков из нор –
Огромных, ядовитых, быстрых,
С крестом, *как чёрные фашисты.*

6

После зарядки на заре
Плескались в солнечном ручье.
И каждый день *под зорким оком*
Купались мы в *Донце* глубоком
И загорали на реке
На ослепительном песке.
Под звонкий горн и барабан,
Ходили строем на курган,
Где скромный памятник солдатам,
Где пахнет чабрецом и мятой.

Вожатая, москвичка *Рита*,
Читала на ночь *Майн Рида*.
Сияли ярко светлячки
И громко *плакали* сверчки...

Жизнь наша, вопреки тревогам,
Налаживалась понемногу.*

2012

* Путёвки в лагерь были бесплатными, с собою из дому брали самое необходимое.

Походы в кино

1

У нас давно заведено
По выходным ходить в кино.
Ходили семьями, как в гости;
Зимой, когда по пояс снег,
Мы на ветру у кассы мёрзли –
Не грел зимою *рыбий мех*.

Два клуба *высились* в округе
В двух километрах друг от друга,
И возле каждого – *столовка*.
Когда *финансы* позволяли,
Мы перед фильмом "*пировали*":
Щи да котлета, да перловка,
А на *десерт* – густой компот...
Входили в кинозал... И вот,
Погашен свет, экран мерцает,
Механик *действие* начинает.
Все замерли: кино идёт!..

Какие разные картины:
Перечислять их можно долго:
"Весна", "Чапаев", "Волга-Волга"...
Про озорного Буратино...
Едва ль найдётся фильм чудесней!
Под занавес звучала песня –
Она легко звала героев
В счастливый мир за синим морем...
Её хотел бы вновь услышать,
Да фильм тот из проката вышел...

2

Я помню их худые лица –
Как вольные, шальные птицы,
Кружили стаи пацанов,
Зимой сопатых, летом в ципках...
Как жаль, что в городе нет цирка,
Но было главное – кино!

У касс билетных в воскресенье
На новый фильм – столпотворенье! –
Веселье, шутки, шум и гам...
Зажав в руке свои монеты,
Мальчишки лезли за билетом
По удивлённым головам...

Как радостно дышала грудь,
Коль удавалось прошмыгнуть
В зал незаметно без билета...
Намного проще было летом:
Влезай на дерево повыше!
Был в парке кинозал без крыши.

2013

Послевоенный футбол

1945 год

Стадион у террикона,
За воротами – трава,
В ней сияет беспокойно
Глаз ребячих синева.

Ловят каждый миг сраженья,
Трепетный полёт мяча...
Мир и лето. Воскресенье.
И земля так горяча.

Матч ответственный, районный –
Нет серьёзнее забот.
Счёт растёт в бою упорном,
Наши снова у ворот.

На защите *бэк*^{*}, красавец –
Ли Фан Сю – король игры,
Обрусевший он китаец^{**}
И любимец детворы.

Форвард – быстрый, ловкий, резкий –
От ворот и до ворот
Вэцар, футболист венгерский^{***},
Головою мяч несёт.

* Защитник.

** В городе с самого его зарождения жили китайцы, место их обитания называли «Шанхаем».

*** Пленные, работавшие на восстановлении шахт.

И *голкипер* – просто диво
(Он – румын, *лихая статъ*):
Ловит мяч легко, красиво,
Как магнит хороший – сталь...

Завершился матч футбольный,
Голос диктора умолк,
И ворота стадиона
Запирают на замок.

Вечер радостный и яркий,
Оживляются дворы.
Обсуждают люди жарко
Все *коллизии* игры...

Перевернута страница –
Ночь гуляет по дворам.
Матч футбольный ночью снится
Краснодонским пацанам.

2013

На Троицу

1945 год

Монашенки в светлых нарядах,
У каждой – берёзки росток,
От наших назойливых взглядов
Краснели, как маков цветок.

Взлелеяны школой родною,
Мы строго смотрели на них:
Искали в их ликах *святое*,
А видели девок простых.

В те годы – что знали о Боге?!
Но всё же сильнее и сильнее
В сердца проникала тревога,
Как холод церковных камней.

Казалось, всё просто и ясно:
Вот – солнце, земля, небосвод...
Но помнились взрывы *фугасных*,
Война, оккупация, фронт,

Подвала бетонная чаша,
Икона и крест, и свеча.
Молитва нескладная наша
Была, как слеза, горяча.

Казалось – от этой молитвы
Уходит панический страх,
И меньше на фронте убитых,
Отцы побеждают в боях...

Монашенки юные в храме
С берёзками тонкими в ряд...
С тех пор на меня временами
С укором их очи глядят.

2010

* * *

1945 год

Парни, воевавшие *чуть-чуть*,
Нам *травили* о своих *победах*,
Улыбались молчаливо деды,
Мы, мальчишки, не могли уснуть.
Были увлекательны и ярки
Эти их *истории* и *драмы*
О полячках милых и мадьярках,
О пленённых их любовью дамах
(Кое-что из тех лихих *романов*
Встретил я потом у Мопассана).
Несмотря на возраст, понимали,
Что они нам вдохновенно ввали...
Как же мы завидовали им,
В форме новой – сильным, молодым!

* * *

1946 год

Путешествовал в Азии Обручев,*
Проверяя: *жива* ли Земля?..
Мы – *гоняли* по улицам обручи.**
Как звенели они на камнях!
Зря в ту пору на них не смотрели
Как на ценный спортивный снаряд.
Ах, как долго их помнят колени,
Получая отличный заряд.
От полуторки старой иль «*Форда*»
Обод – очень полезный предмет;
Мы *гоняли* их важно и гордо,
Нам старушки вздыхали вослед.

* Большое научное путешествие академика С.В. Обручева.

** Забытая забава “гонять обручи”, толкая их специальной металлической вилкой.

Нет, не просто колёса катали
Безнадзорные дети войны –
Эти обручи нас закаляли,
Дух и мощь укрепляя страны.

Полёты на коньках

1945 год

1

Даже в *тяжкие лета*
Привлекала красота...

Во дворе залит каток:
Новогодний школьный праздник,
Выступает старшеклассник –
Чёрное *до пят* пальто,
Белый шарф, в высокой шляпе
(Вероятно – вещи папы),
С белой тросточкой в руках
На сияющих коньках.
Бег, *полёты* и вращения,
Ног мудрёные движенья
В такт с движеньем трости белой...
Низко кланялись деревья
Кроною заиндевелой.

2

И у нас, мальчишек *бравых*,
Были зимние забавы:
Со скалы шагнуть в сугроб,
Пробежать по речке, чтоб
Неокрепший лёд речной
Прогибался под тобой.

На ногах – простые *бурки*,
К ним прилажены *снегурки* –
Вседорожные коньки*,
А в руках у нас – *крючки*.
Ждём машину, не любую,
Ждём машину – бортовую.
Повезёт – крючком за борт –
Начинается *полёт!*

По булыжной мостовой
Пролетаешь очень быстро,
Из-под ног сверкают искры
И мелькает город мой:
Фонари, дома, заборы
И людей застывших взоры...
Восхитительный *полёт!*
Только очень уж трясёт,
И в газах весь мир двоится.
Нет силёнок отцепиться...

Ночь. Я сладко засыпаю,
Снится мне, что я – летаю.

2012

* Как удобны и легки
Деревянные коньки:
Два брусочка под тобою
С толстой проволокой стальнойю.

Футбольный матч

*В дни съёмок фильма
“Молодая гвардия”, 1947 год.*

Неспешный ласковый закат,
Дымочек *каменноугольный*...
Полсотни лет тому назад –
На поле матч *футбольный*.

Две *сборные*: от москвичей
И от мальчишек *здешних*.
Нет лавок, судей и речей,
И формы нет, конечно.

Каков накал, каков азарт!
Болеющие – на *поленьях*.
Вот *угловой* пробил казак –
Мяч... у *Ульяны* на коленях.

Как коршун, мигом подлетел
Мальчишка *рослый горбоносый*
И... *загляделся* вдруг, *пострел*,
На *чёрные*, как уголь, *косы*.

И молвила примерно так
Ему *задорная Ульяна*:
“*Иди, играй, донской казак,*
Тебе заглядываться рано”.

Побед и счастья пожелав
Смущённому *герою*,
Встаёт и, *юбку подобрал*,
Мяч *выбивает* в поле...

В Донбассе долго гаснет солнце...
А победили красnodонцы.
Тот счёт я позабыл, признаться,
Да разве в этом дело, братцы!

1997

Как выживали на Дону после войны

*Чтобы выжить в трудный час,
Нужен нюх и острый глаз.
Знай: у клёна лист солёный,
У акации цветы – и душисты, и вкусны
(Поясню вам между делом:
Не у жёлтой, а у белой).
Заиграет солнца зайчик –
Появляется калачик,
Сладкий, нежный, как миндаль,
Только мал (ну очень жаль!).
А пройдёт ещё денёк –
Закустится щавелёк.
(Тут уже – прощай беда:
Надоела лебеда!).
На пригорке, возле балки,
Толстые рождаются *бабки**
(Поясню вам для проформы:
Стебель их квадратной формы,
А под горькой кожурой –
Очень сочный сладкий слой).
А затем покроют луг
Дикие чеснок и лук.
А когда *пойдут* сады –
Не захочешь лебеды:
Вишня, груша и кислица
И конечно шелковица –
На Дону она – царица...
*Слава Богу, снова мы
Доживём, брат, до зимы!**

2010

* Название травы.

*Машина без бензина**

Наш большак заполонили
Эти странные “*машины*”:
Две оглобли, между ними –
Чьи-то сгорбленные спины.

Из одной телеги старой,
Коль усердно потрудиться,
Получаются на славу
Две такие *колесницы*.

Сколько их, больших и малых –
Все спешат к родному дому,
Их оглобли на привалах
Низко кланяются долу.

Схлынул беженец усталый,
Бед людских свидетель *вещий*;
Чередой пошли *менялы*
(На *харчи* меняют вещи)...

Далеко до огорода,
Пыльной нет конца дорожке,
Тяжелы дары природы –
Кукуруза да картошка.

* Так иногда в ту пору называли тачку.

Мама тянет, я – толкаю
Нашу тачку на пригорок.
Ночь на пятки наступает,
И пугает каждый шорох...*

Стать *менялами* пытались:
Нет на свете горче пытки!
Ни в одном селе не брали
Наши скромные пожитки...

Тачке (как её не славить! –
С нею люди выживали)
Надо памятник поставить
На высоком пьедестале...

Ночь. Подворье. Наша тачка...
На ночлег нас пригласила
Белая, как лунь, казачка,
Тем, *что Бог дал*, угостила.

Вещи наши брать не стала
Ах, как сладко пахли розы!
Улыбалась нам устало,
А в глазах стояли слёзы.

2012

* Огороды выделялись учителям бесплатно, далеко от города и каждый год на новом месте.

Жаворонки

1945 год

1

Реет жаворонок звонкий
Над родимую сторонкой...
Ну а этот *птах* – иной:
Черноглазый, золотой,
Не щебечет, не поёт,
И гнездà весной не вьёт.*
Прилетали к нам они
Сразу же после войны.
Прилетали прямо в класс –
Всем по *птичке* каждый раз.
Всю большую перемену
Пахло сдобой отменно...**

Пташки две иль три порой
Залетали к нам домой.
От души за это диво
Всем *прогульщикам* спасибо!
Булки в доме – чем не сказка?!
Я выклёвывал им глазки...
Поясню я суть рассказа:
Мать тогда *вела* два класса –
Брать *излишки* разрешали
(Доброта полна печали)...

* *Жаворонком* у нас называли также маленькую булочку с изюмом.

** Рыжая, как белка, Лиза

С джемом сладким (*по Лэнд-Лизу*)

Ела булку... Сколько *форса*!

(Был отец работник ОРСа***).

*** Отдел рабочего снабжения при Горисполкоме.

2

Вспоминать то время грустно:
В закромах, в сусеках – пусто,
Хлеб на рынке – сто рублей...
Черета голодных дней...

Снег. Мороз. На *перезоне** –
Два коричневых вагона.
И от них, *не чуя рук*,
Нёс народ в авоськах лук.
Не понять порою взрослых:
Для чего им лук замёрзший?
Запекали *дар сей грустный* –
Был он сладким и невкусным...

Мысли о еде с утра.
Голь на выдумки хитра:
Из одной *простой* муки
Выпекали пирожки
С *шоколадною* начинкой... **

Новый год являлся чинно:
Пахли сказочно иголки –
В школе – *правдишняя* ёлка!
Ёлка – редкость. И она –
На всю улицу одна.

* Участок железной дороги.

** С пережаренной мукой.

Ждал детей большой секрет –
Маленький *кулёк* конфет
И пахучий мандарин –
К сожалению, один.
Запах радостный и стойкий
Не забыть до новой ёлки...
Дома с мамой мы, бывало,
Нашу розу* наряжали.
И наряд тот был *богатым*:
Серпантин и хлопья ваты,
Из серебрянной фольги –
Рыбки, зайки, петухи...

3

Ночь в окне, *как чёрный мишка*.
В доме маму ждёт мальчишка:
В школе праздничный “*банкет*”
(Маме только тридцать лет).
В своём старом ридикюле
(Где обычно лишь *тилюли*)
Приносила мать в салфетке
Мармеладные конфетки
И морковные котлетки...

На каникулах, бывало,
Мать надолго уезжала,
Взяв мешок и чемодан
В поисках *богатых стран*.

* Большой домашний цветок без колючек в кадке.

Мы с соседкой *тётей Ксеньей*
Ждали маму с нетерпением:
Жизнь тревожная, лихая,
И дорога непростая:
Сердце обливалось кровью –
Мать уехала *за солью*
В незнакомый *Баскунчак*,
Где сияет солончак...

Возвращалась мать худая,
Постаревшая, *чужая*.
Позади – её скитанья,
Позади – её страдания,
И вокзалов дым и смрад,
Весь разбитый Сталинград,
Где на площади центральной
Пляшут *дети* у фонтана.*
Днём, и даже ночью тёмной,
Посреди страны огромной
В те *военные метели*
Дети чудом уцелели.

2013

* Скульптурная группа.

Дочки-матери

В стране, где не было игрушек—
Послевоенная пора —
Спасала юным крохам души
Простая детская игра.

На краешке двора, в садочке —
Их “дом” без стен и потолка.
Живут в нём тихо мама с дочкой,
Заходит кот к ним иногда.

Вся обстановка — из картона,
Из лоскутков, стекляшек, книг.
В кроватке тряпичный ребёнок,
Склонилась девочка над ним.

И подражая мамам взрослым,
Качает детскую кровать.
Жужжат шмели, трещат стрекозы,
Мешают её дочке спать.

О, как на мать она похожа
И строгостью, и добротой!
Влажнеют очи у прохожих,
Взволнованных её игрой.

Здесь к нищете давно привыкли:
Надеялись — всё будет в срок.
От сей игры, как от молитвы,
Конечно же, пребудет прок!

2011

Богун

Очень яркая сценка из детства:
Нас орава мальцов и *Богун* –
Никуда от такого не деться –
Несусветный нахал и *брехун*
 (Второгодник и переросток –
 Был на голову выше ростом).
Он *училку казнил*, сквернословил,
За сараем махорку курил.
Я его хорошенько запомнил,
Хотя многих *примерных* забыл.
А припомнилось мне (смех и горе):
Дождь прошёл, и на мокром заборе
*Кат** *наш* высится, вишни срывая,
А опасна погода сырая, –
Потерял равновесие, взвился –
И за провод нависший схватился.
И, поверьте, пройдёт много лет
Эту фразу никто не забудет:
 “*Бей меня, кто в калоши одет,*
 Ничего вам за это не будет!”
Как картинно мелькнул его клёш –
Огольцы были все без калош...

А вскоре *загудел Богун* на нары –
Портрет вождя попортил из рогатки;
Был в школе светлый день для персонала,
Вздохнули с облегчением *ребятки*
(И только я ходил слегка печальный –
Непостижимы чувства изначально).

2010

* Мучитель (укр.).

На переезде

Давным-давно в украинском селе
Такая редкая вдруг выпала удача –
На водопой доверили мне ... *клячу*
(А было лет совсем немного мне).
На жёсткой, как початок кукурузы,
Худой и неоседланной спине
Я гарцевал в сияющем картузе...
Застыла лошадь вдруг *на полотне*.
И, заглушая стрелочника крик,
Раздался резкий свист локомотива;
Бью пятками (*как бесконечен миг!*) –
Ни с места обомлевшая скотина.
Гремел состав, и прогибались шпалы,
Звенели и дрожали дробно рельсы;
Вот, наконец, пошла и снова... встала
У переезда в безопасном месте.

В какие позже попадал я переделки,
Но этой не забыть мне *сценки*...

Всё прошлое, когда пройдут года,
Нам представляется наполненным отваги.
О чём кричал мне стрелочник тогда?
Наверно, чтоб оставил я беднягу.

2010

Наш сосед

1946 год.

1

Лето – праздник! Лето – воля!!
Мама, сжалась, наконец,
Отпустила к *дяде Коле*,
К дяде Коле на *Донец!*..

Наш сосед немножко странный:
С мая и *до белых мух*
Проживает постоянно
В шалаше на берегу.

У причала – плоскодонка,
Строим удочки стоят,
Есть ружьё, приёмник громкий,
Стайка преданных ребят.

В полинявшей гимнастёрке
Виды видевший солдат
Приучал мальчишек бойких
На природе выживать.

Подсекать в реке плотвичек,
В норах раков смело *драть*,
Разжигать костёр без спичек,
Слово данное держать...

Вспоминаются беседы
У вечернего костра.
Затихали непоседы,
Ночь от звёзд была пестра...

2

Сколько ярких впечатлений!
И, конечно, детворе
Не забыть поход вечерний
К *обелиску* на горе.

Как-то раз, наполнив флягу,
Взяв ружьё и патронташ,
В пионерский ближний лагерь
Он повёл *отрядик наш*.

Слышен горна звонкий голос:
Пионерская братва
Собирает дружно хворост
Для прощального костра.

Как лесные муравьишки,
Тащат в гору сухостой
В красных галстуках мальчишки,
Вдоль дороги пыль стеной...

Пляшет пламя с новой силой,
Словно рыжая лиса...
Здесь недавно проходила
Фронтальная полоса...

Спит *ковыльная сторонка*,
Тишиною край объят.
Прогремел салют негромкий
В честь погибших здесь солдат.

Строй нестарых ветеранов –
Ружья в поднятых руках.
Наш сосед на фланге правом,
Со звездой, при орденах...

2011

Вечер после войны

А помнишь, на арбе с травой,
Как на стогу,
Сидели тихо мы с тобою
На берегу.

И ты, как взрослая, гадала
На цветке.
Волна от катера шуршала
На песке.

И новенькие, *как игрушки,*
Храня покой,
Зелёные стояли пушки
Там, за рекой.

Гнусавил шмель и цвёл шиповник
Над водой.
Куда-то даму вёл полковник
Молодой.

И, затихая у вокзала,
Но точно в срок,
Составы шли, гремя, на запад
Иль на восток.

Лениво лаяли собаки
Вдалеке.
Мерцал звездой зелёный бакен
На реке.

Спешили сумерки с Заречья,
С той стороны...
*Таким запомнился мне вечер
После войны.*

2010

*На улице моего детства**

1

Заколоченный крест-накрест
Дом, забором обнесённый,
На воротах чья-то надпись:
"Задержись, дружок, и вспомни!"
Тот чудак – почти философ,
Сразу душу наизнанку,
Столько мыслей и вопросов
Пешеходу спозаранку...

В этом здании когда-то
Наша школа размещалась.
Повзрослевшие ребята –
Жизнь с войной перемешалась –
Могут в шахту опуститься,
На крутой копёр взобраться,
И готовы, коль случится,
Хоть сейчас с врагом сражаться.

2

Словно белая ворона,
Я в «учительской» зимою
Маму ждал в тепле казённом.
Шум сменялся тишиною.
Глобус, карты и журналы,
Пахли старые чернила,
Страх внушал мне поначалу
Тот, кого в шкафу хранили.
Иногда *его*, как ёлку,
На уроки уносили.
Отбивали время звонко
На стене часы большие.

* Улица Будёновская, прозванная *Банковской* (на ней находился Краснодарский Госбанк).

А барометр молчаливый
Ясную *сулил* погоду,
Предсказать он был не в силах
Все военные невзгоды...
Шум и гам на переменах,
Топот в тесных коридорах.
Угощал, придя на смену,
Сторож чаем из *желдёров*.

3

В дивном дворике Госбанка
Мы всерьёз *играли в сказки*:
Переделали в "*тачанку*"
Очень старую коляску.
Из морской травы сиденья...
Ныне даже вспомнить жутко –
Мы *курили "с наслаждением"*
Из травы той *самокрутки*.
В пёрышки * *дурили деток*,
Битой ловко разбивали
Стопки погнутых монеток
(Как отцов нам не хватало!)...

4

Дом с "*Военным кабинетом*" –
В нём всегда порядок строгий.
Как завидовали дети
Часовому у порога!
"*Стой! Ни с места!*" – окрик быстрый –
Часовой – пацан в веснушках...
Прогремел смертельный выстрел,
Словно выстрелила пушка...**

* Игра на деньги со стальными перьями.

** Обстоятельства случившегося не установлены

5

Помню, как *кино снимали*,
 Чтоб была верней картина –
 Много раз забор *ломала*
 Наш *немецкая* машина*.
 Той проклятою зимою
 Здесь, на этом самом месте,
Взяли юношей-героев –
 Шли повальные аресты...

6

В доме около Госбанка
 (Прошное порой так близко!)
В наши дни жила смуглянка –
 Яркая, ну впрямь – артистка.
 С фронта *шли худые вести*:
 В третий раз вдовою стала.
 Словно *женщина из песни* –
 Трёх мальчишек воспитала.
 Их фамилии разнятся
 Да и отчества не схожи,
 Но дружны, хотя, признаться,
 Друг на дружку не похожи.
 В их семье *по воле божьей*
 Трёх защитников не стало –
 Есть кому их род продолжить,
 Чтобы жизнь не замирала...
 Заколоченный крест-накрест
 На пригорке дом казённый,
 На воротах чья-то надпись:
 "*Задержись, дружок, и вспомни!*"
 Я пошёл своей дорогой,
 Но когда взгляну назад –
 Вижу город мой далёкий,
 Слёзы чувствую в глазах...
 2013

* Снимали фильм “*Молодая гвардия*” (делались дубли).

9 мая 1945 года

Ранним утром в Краснодаре
С первым проблеском рассвета
В тишине высоких клёнов
Вдруг раздался крик: "*Победа!*"

В этот майский день *чудовый**
Радость здесь границ не знала –
Українська дивна мова
Вместе с русской звучала.

В городке, углём пропахшем,
Сам собой собрался митинг:
Ликовал народ уставший,
Но счастливый – *победитель!*

Замер вдруг майдан просторный –
Тихий голос над толпою:
На трибуне в *хустке*** чёрной
Мать казнённого героя.

"*Будем жить!*" – гудела хрипло
Шахта ближняя за балкой...
Дотемна играл на скрипке
Инвалид седой у парка...

Был салют негромким, редким,
Как ночная перестрелка...
В поздний час вдова-соседка
Тихо плакала за стенкой.

Завтра будет дел немало...
Спал, свернувшийся в калачик,
Не судьбой спасённый – мамой,
В сущности, счастливый мальчик.

2014

* Чудесный (укр.).

** В косынке (укр.).

Часть III

Эхо войны

У могилы неизвестного солдата

Отец мой погиб в сорок первом.
Могилу найти я не смог.
Бывал и в архивах военных,
Немало проехал дорог.

В Москву приезжая, с перрона
Спешу я к Кремлёвской стене:
Под *Вечным огнём* похоронен...
Отец мой... Так кажется мне.

Всё сходится, всё совпадает:
И время, и место тех битв.
И должность – *защитник* – святая!
Известный солдат здесь лежит.

2010

Городок у реки

1

Городок у реки,
Где все улицы – вниз,
Их названья легки,
Как невинный каприз:
Луговая, Броды
И Заречная Сечь,
И блестит гладь воды,
Словно брошенный меч.

На закате с горы –
Купола да дымы,
Меч на солнце горит,
Словно кровью омыт.
Смолк малиновый звон,
Как глазам горячо –
Я опять ослеплён
Драгоценным мечом...

2

... Грохот город пронзил:
Обрубил кто-то трос –
Вагонетки пустил
Вниз, на вражеский мост,
И *стеною* река
Встала против врага* ...

Город память хранит:
В нём мальчишки росли,
Наши танки они
От засады спасли.
В том последнем бою
Жизнь отдали свою.**

г. Каменск-Шахтинский, 2011 год

Налоговая инспекция

1947 год

Мать у друга – донская казачка,
А отец – *из культурных семей*,
Знал стихи и решал нам задачки,
И, казалось – любил детей.

* С помощью лебёдки с тросом немцы в вагонетках поднимали грузы с моста на гору.

** Дети, указавшие танкистам безопасную дорогу, были расстреляны фашистами. В центре города установлен памятник юным героям.

Заезжал за ним даже *в праздник*
По неведомым мне делам
Козлик – райкомовский *газик*.
Прокатиться хотелось нам!

Мы летели, будто на крыльях,
По станицам. Мелькал *Донец*.
На одной из улочек пыльных
Заглушили мотор, наконец.

Старый домик за каменной кладкой,
Пёс, виляющий хвостиком – рад!
Ворох брёвен, с водою кадка –
Был недавно порушен сад.

Вот из дома выходит семейка:
Мать, детишки в пятнах чернил.
Сел папаша дружка на скамейку,
Полевую сумку раскрыл.

Задаёт он хозяйке вопросы,
Что-то пишет в свою тетрадь.
Дети жалобно шмыгают носом,
Сокрушённо вздыхает мать:

*“Ровно год, как кормилец помер,
Нет, служивый, креста на вас”*
(Был он в полувоенной форме,
Что носил *управляющий класс*).

Вдруг из дома – гурьбой соседи:
Годовщина. Все под хмельком.
У иных – с тонкой кожи плети,
А старик в галифе – с топором...

С той поры я уже *не катался*,
Как ни звал меня друг-сосед.
И с мечтой я своею расстался –
Полевую сумку иметь.

На Пасху

Финский домик в донецком селении,
Ставни в ёлочку. Бра и шезлонг.
Затихая, звенит в отдалении
Брус металла как праздничный гонг.

Звонит церковь (обычное здание –
Крест простой, на коньке – образок).
Пасха – солнечный день ликования,
Нынче поздно пришёл её срок.

Батя друга (и он же здесь *батюшка*)
Преподнёс нам на праздник *презент*:
Разговеться, почтить его матушку –
Ворох мятых рублей и монет.

Одноклассники и одноклассницы
Пьют с конфетами сладкий кагор,
А у девочек – скромные платица,
На головках – неброский пробор.

Уж, наверно, волнуются *маменьки*,
Вечер свеж, плечи милых остры...
В этот вечер в садах возле *Каменки*
Очень долго не гасли костры.

2010

Голубой автобус

1948 год

Сорок вёрст до областного центра.
Мчится «пазик» с добрыми людьми.
Путь-дорожка вьётся, словно лента,
Связывая жителей земли.

Остановка. Снова – пополнение.
Мама дочку (нет свободных мест!)
Пареньку сажает на колени:
“Ты его не бойся – он не съест!”

А сама – на чемодан в проходе.
Задремала: столько ведь хлопот!
Девочке четырнадцатый годик.
В техникум дитя своё везёт.

Робкие подростки-однолетки
Замерли, почти что не дыша.
Их сердца – ну, чем не птицы в клетке?
Хорошо, что без оков душа!

Волосы его лица касались –
Лёгкий запах полевых цветов.
За окном природа улыбалась,
Зов кукушки заглушал мотор.

– *Как же он забавен и приятен!*
– *Как она воздушна и тепла!*
Тоненькое ситцевое платье
Разделяло юные тела...

В городе мгновенно растворились:
Поглотила жизни суета...
Часто им дорога эта снилась,
Словно не бывшее, а мечта.

Не забыть им их полуобъятия
Нежного, как самый дивный сон...
Вот такие их дороги к счастью
И надежды *голубой вагон*.

2010

Королевская игра

1948 год

В парке я, *от счастья млея*,
Помнится – примерно здесь,
Слушал "*Болеро*" Равеля,
Слушал *польский полонез*.
Здесь – на лавочке тенистой –
Полюбил *среди бела дня*
Королеву и коня
На доске у шахматистов.
В том волшебном тихом царстве,
В том особом дивном мире –
Жаркие бушуют страсти,
Славные живут кумиры.
Назову один лишь адрес:
Сказочный *Буэнос-Айрес*.
В тот неведомый, далёкий
Полетел бы иль поплыл –
Лишь за то, что в нём Алёхин
Капабланку победил* ...

Посылали нас *сражаться*
В область власти городские.
Ах, какое чудо, *братцы*, –
Дни весенние, шальные.

* Матч за *мировую корону* двух шахматных гениев начался 16 сентября 1927 года и продолжался почти два с половиной месяца до шести побед Алёхина.

И была в команде нашей
Пятиклассница *Наташа* –
Проиграет – горько плачет,
Выиграет – плачет *сладко*.
Чтоб *бедняжку* "*озадачить*" –
Я давал ей шоколадку
(Нас кормили *по талонам* –
Шоколад тот был казённым)...

Я, физрук и завуч новый –
Блиц с часами*. Поздний час...
Моя мама и их жёны
Уводили молча нас...
Страсть, как пламя, разгоралась,
Сценка снова повторялась...

Вот – *игра судьбы и воли*,
Словно книжку, не отложишь.
А ведь требует – всего лишь –
Жизнь отдать ей, если сможешь.
Потому у многих взрослых
Шахматы остались в прошлом...

2013

* Азартная игра в шахматы с часами.

Огромное небо... на одного

*Планеру А-1**

Десятый класс остался позади,
И не было сомнений и тревоги:
Мы верили, что планер А-1
Нас выведет на верную дорогу...
Одна из самых памятных картин:
Зелёное невспаханное поле,
Тот планер *одноместный А-1*,
Крылатый символ удали и воли.
Забывать ли мне волнение и страх
На старте предстоящего полёта?
Ремни, как чьи-то руки на плечах,
И лёгкий трепет крыльев и капота.
Порывистый стремительный разбег –
И вот земля уходит подо мною.
В трёхмерный мир ворвался человек,
И встречен был звенящей тишиною.
Земля внизу. Как камень из пращи,
Ты был запущен в небо голубое...
Пока ты плыл вверху в немой тиши –
Инструктор на земле не знал покоя...
Штурвал сжимала чуткая рука –
Какой восторг – парить под небосводом!
Легчайшие цветные облака
Нам обещали лётную погоду**.

03.02.2004***

* Первый послевоенный серийный планер.

** В Краснодаре в те годы была «Самолётно-планерная станция» со своим аэродромчиком около деревни *Водяное*. Большинство выпускников средних школ в ней обучавшихся было направлено в лётные училища.

*** 100 лет со дня рождения В.П.Чкалова.

Мой ласковый Новочеркасск

1952-1953 гг.

*Мой ласковый Новочеркасск –
Середина двадцатого века –
Огонёк твой в душе не погас
Очарованного человека...*

В добрый час знаменитый казак*
Заложил здесь казачью столицу,
Вот она поднялась на холмах,
В ясный день видно Дона водицу.

Та столица студентам давно
Стала домом надёжным и добрым.
Как писал Маяковский: “Черно
В городке от студенческой формы”.

Полагаю, со средних веков
Нет завидней студенческой доли:
Без привычных домашних оков,
Сладок вкус опьяняющей воли.

Не приемля ни лести, ни лжи,
Уму-разуму нас наставляли
Ещё царской закалки мужи
И советские строгие няни.

Не забыть “Крытый двор” НПИ,**
Новогоднего бала нирвану –
Как видения, ёлок огни
Проплывали в молочном тумане.

* Матвей Иванович Платов (1751–1818 г.г.) – атаман Войска Донского.

** Новочеркасский политехнический институт

Смех и говор юнцов и девчат...
На *Московской* – как улы, пивнушки,
Вечерами в них песни звучат
И звенят белопенные кружки...

А бывало и туго порой –
Кипяток с сахарком вместо чая.
Выручал нас базар городской –
Шумный *рай* изобильного края.

*“Подставляй-ка, скубендик, картуз:
За бесценок желдёры и сливы”!..*
А какую давали нам *“Сильву”!*
Со столичной сравнить я берусь.

Погорелец-театр был бездомным,
Приютил его друг-горсовет.
Размещался он в здании скромном,
За полтинник всего лишь билет.

А на месте, где был он когда-то,
Лишь руины который уж год
Возвышались *живым экспонатом*
Незабытых военных невзгод.

Крест собора, былинный Ермак,
Дети в форме* – живые игрушки!
Всё казалось, что только на днях
Побывал в этом городе Пушкин.

* Суворовцы.

И жила в нём красавица *Нина*.
Чтобы снимком её завладеть,
Разбивали студенты витрины,
И убытки несла фотосеть...

О, как всё это было давно!
Серебрились над нами акации,
В летнем клубе *крутили кино*.
И не ссорились разные нации.

Плыл левкоев пленительный чад,
Плыли парочки в *сквере Подтёлкова*.
И была очень лёгкой печаль
От поющего голоса тонкого...

2003

Долина роз

Однажды после сильных гроз,
Когда душа легка,
Блуждал я над *Долиной роз*
В предгорьях *Судака*.

Как был приятен летний зной,
Кипела жизнь кругом.
Лавандой пахло и землёй,
Пропитанной дождём.

В окопе старом среди камней
Я гильзу отыскал –
Примету тех далёких дней,
Былой войны металл.

Очистив горестный металл
От праха прошлых лет,
Вознёс его на пьедестал
Как малый монумент.

На невысокую скалу,
Где не растёт трава.
Запела гильза на ветру
Печально ноту *фа*.

Казалось, будто рог играл –
То был металла стон,
Который к сердцу долетал
С тех роковых времён.

2000

Жуковские бараки

У леса бараки с чудинкой,
(*Чудильники* – так их прозвали).

А стали меж ними тропинки –
Дорогой в небесные дали.

Их крыши, как крылья в полёте –
Из той, *самолётной*, фанеры*,
Легко узнавали пилоты
Свои долгожданные “цели”.

Вмещался в огромном бараке,
Считай, *батальон новобранцев*.
Их жизнь была схожа с атакой,
И было за что им сражаться.

Отсюда огромные *птицы*
Взлетали ночью порою:
Бомбили фашистов столицу,
Врагу не давали покоя.

Здесь слушали сосны тревожно
Моторов прерывистый рокот;
Здесь небо почувствовать можно –
В нём жизнь обрывалась до срока...

Согласно обычаям древним
С жильём этим ветхим расстались:
Мальчишки глазели с деревьев
Как ярко бараки пылали!..

Как были похожи на крылья
Бараки из ценной фанеры!...
*Былое становится былью,
Свидетельством духа и веры.*

2010

* Фанера, ставшая невостребованной после начала строительства металлических самолетов.

Тёплая осень

Тёплая осень в родимой сторонке –
И не думать бы о холодах!
Я – будто бы в командировке
В детские мои года.

Тот же сад, та же старая груша
В золотом осеннем плену.
Друга жду и окунаю душу
В осеннюю тишину.

Красным перцем пылает шиповник,
Улетают стрижи за Донец.
Я, забаву былую вспомнив,
Вишнёвой смолы жую леденец.

Стонет ворот на срубе колодца,
Звонко падает в воду ведро.
Угасает тревожное солнце,
Отдавая по капле тепло.

Скромный путник *из лесу, вестимо*,
На тележке дровишки везёт.
Не проходит, сердечный, мимо –
Первым меня узнаёт...

С другом вспомнили прошлые годы
За стаканом сухого вина;
Нашу жизнь, как волну пароходом,
Перерезала в детстве война.

Донбасс, 2003 г.

Вечерний чай

Всё не верится, что утром
Мне не надо уезжать...

Будет мать смешно и мудро
Вновь *о жизни* рассуждать.
С нашей сладкой спелой вишней
Пироги затеет печь.
Пар выбрасывая лишний,
Заиграет *чудо-печь*.
На веранде – чай с вареньем,
Тишина, как встарь, кругом.
Мама выйдет на мгновенье
Слёзы вытереть платком.
Запоют в *Зелёном куте*,
На огонь зайдёт сосед.
Вечер благостный. Как будто
Не прошло так много лет.

Незабвенные минуты,
Неземная благодать...
Всё не верится, что утром
Мне не надо уезжать.

2010

Письма

Не предрассудок ли? Едва ли:
Так повелось среди родни –
Словам не очень доверяли
Мы откровения свои.
В том мире – грозном и суровом –
Поступки заменяли слово...

И мама *громких* слов чуралась.
И только раз в письме призналась,
Что очень рада в нашей школе...
*Со мной “встречаться” в коридоре**.
(Трудилась мать, годков не счесть,
Всё в той же школе № 6).

Мои *депешки деловые*
По существу – слова пустые...

Однажды я *блуждал* опять
В горах, откуда ближе к небу,
И был пленительным закат,
И мир казался, словно *небыль*,
И *чей-то* голос диктовал
Другими, нежными словами
Моё письмо "*суровой*" маме...

Потом, когда её не стало,
В потёртом ридикюле старом
Нашлось *нечаянно, само*
Лишь это *горное* письмо...

С судьбою больше я не спорю:
Благословенны эти горы!

2013

* В школе был стенд с фотографиями выпускников-медалистов.

* * *

Где бы ни был я,
Не забыть мне город
Тот, что над Невой
Призрачен и строг.
Милый Ленинград!
О, как ты мне дорог –
В свете алых зорь
Каменный цветок.

Небо над тобой
Помнят самым разным:
В заводских дымах,
В сполохах боёв...
Для меня твои
Небеса – в алмазах,
В шпилях и в мечях
Вздыбленных мостов.

Иногда в ночи
Где-то на Садовой
Слышу звук своих
Собственных шагов;
Белой ночью мне
Чудится суровый
Спор твоих вождей,
Гнев твоих богов...

2010

* * *

Мне хотелось бы дольше побыть
Возле этого грустного сфинкса,
У залива со свежестью финской
И с печалью российской судьбы.

Неустанно большая вода
Уносила в открытое море
Все несчастья, печали и горе –
Только вновь возвращалась беда!

Словно меч, Петропавловский шпиль
В небе города сером и мглистом...
Здесь когда-то – суровая быль! –
Поглотила вода декабристов.

Помнит небо и помнит вода
И блокаду, и дни лихолетий.
Потому так тревожно всегда
Плещут волны и мечется ветер.

2009

Утконос

Читая Джеральда Даррелла

1

О, как бывает человек жесток,
Когда жестокости приходит срок!
И как нежны порою звери, рыбы, птицы –
Братишки меньшие и меньшие сестрицы.
А кто из них нежней? На сей вопрос
Немедля бы ответил: “Утконос!”
Как нелегко ему на белом свете,
Он беззащитен, как грудные дети.
Ему баланс тепла и влаги нужен,
Опасен шум и сероводород.
Питается в воде он, а на сушу –
Есть у него своеобразный ход.
И вот что здесь, читатель, интересно:
Лаз должен быть не мягким и не жёстким –
Пока ползёт он коридором тесным,
Должна отжаться и обсохнуть шёрстка,
Иначе при его строенье нежном
Простуда, несомненно, неизбежна.
Вот так и шастает наш утконос волшебный
Со странною улыбочкой блаженной...
Живут они в Австралии спокойной...

2

А здесь, в Европе, полыхают войны,
Грохочут пушки, воеют паровозы
(Вновь на планете что-то делят *черти!*)
И вот решил смешной и мудрый Черчилль:
Быть в Лондоне военном утконосу!
С ним в Альбион воротится удача

Поставлена нелёгкая задача!
Корабль с его *купальной* снарядили,
Когда ж до Англии остались мили –
Акулы Вермахта вдруг вырвались из мрака
И обстреляли мирное плавсредство.
Корабль тот уцелел. А утконос, однако,
Почил внезапно от разрыва сердца.
От горя Черчилль выпил пинту рома,
Сигару, как обычно, закурил,
Желая *фюреру* скорейшего разгрома,
Взял, наконец, и... *фронт второй открыл*.

*Учитывая глубину вопроса,
Пора бы памятник поставить утконосу!
И пусть Уинстон в ярких позументах
Сигарою дымит у постамента.*

2005

Проводы в армию

И этот день,
И эти ветви ивы
Мне не забыть
До смертного конца.
Разлука нам
Глаза на мир раскрыла,
И души нам раскрыла, и сердца.

*Оркестр играл
Взволнованно и звонко,
Река неслась,
Зажатая меж скал.*

*Прощай, прощай,
Родимая сторонка,
Мой первый,
И последний мой причал.*

Качнулся «МАЗ»,
В брезент, как в плащ, одетый;
Качнулся луг
И на лугу цветы.
И не было прекраснее букета,
И не сыскать милее красоты.
И вот сейчас
Просвет закроют сосны,
Сомкнётся лес,
Разлукою грозя;
И заблестит
(О, как же это просто!)
В глазах девчонки
Первая слеза.

*Оркестр играл
Взволнованно и звонко.
Река неслась,
Зажатая меж скал.
Прощай, прощай,
Родимая сторонка,
Мой первый,
И последний мой причал.*

2010

На съёмках кинофильма

Шляпка, цветы в ладони...
Густой ядовитый дым...
Женщина на полигоне
Просит глоток воды.

Как ты сюда попала
В этот *крошечный ад*?
Женщина гарью дышала,
У ног *умирал* солдат.

Как беззащитно небо,
Как беззащитен мир!
Всё это так нелепо:
Цветы и разрывы мин.

Только одни сраженья
Оставь, *Вездесущий*, нам:
Рыцарские боренья,
Турниры за милых дам...

Шляпка, цветы в ладони,
Густой ядовитый дым.
Женщина на полигоне –
Словно глоток воды.

В мрачных разрывах дали,
Гудит орудийный раскат...
Гасят «*юпитеры*». Сняли
Фильма последний кадр.

2010

Командирские учения

На просёлочной дороге
Пыль столбом (*видать с Луны*) –
Едут пушки, едут боги
Ожидаемой войны.
Обстановка непростая,
И колонна строевая,
С нею – кухня полевая.
Девушка, завидев их,
К дому – стёжкой, напрямик.

*Той девчонке повезло
Раструбить на всё село:
“На учёбу едут командиры!”
Красные командиры,
Довоенные командиры,
Скромные и милые мундиры.*

Их казармы – на опушке –
Не видать со стороны;
А во поле чистом пушки
В землю-мать заглублены.
Палят пушки холостыми,
Командиры – холостые,
А бабёнки молодые
На деревне – чуть живые.
Вечером же – благодать:
Ходят парами гулять...

Как-то раз, совсем случайно,
В тех местах я побывал
И в лесу глухом, печальном
Те казармы разыскал.
Архитектор был серьёзным –
Обожал он очень звёзды:

И фанерные их гроздья –
По стене, по потолку...
И хватило этих звёзд бы
Всем убитым в том полку.

2010

* * *

Дядя Федя – заметный мужчина
И поэтому – дамы вокруг.
Он не носит удобной личины
И поэтому – многим он друг.
Дядя Федя – *король* Ленинграда
И у стойки он первый *герой*.
Ждёт его от оркестра награда
В виде песни лихой, заводной.
Запоёт баритоном *корявым*,
Выпив стопку (довольно одной):
“Вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Вейся чубчик, чубчик золотой”.
Дядя Федя на фронте был асом.
Кто пред ним этот *скучный чекист?! –*
Сочинял он стихи и рассказы,
Выступал, как заправский артист.
Он контужен был под Сталинградом,
И поэтому слух – на мели,
И поэтому *скучные дяди*,
В годы прежние, *не замели...*
Но настали *деньки золотые*:
В *сэконд-хэнде* наш Федя одет,
Собирает бутылки пустые
На обед.

1997

Рассказ москвича-старожила

В сорок первом в Москве
Покупали мы вёдрами пиво
(«*Жигулёвское*», в бочках) почти что за грош,

Добавляли крахмал и варили кисель,
Был кисель тот – на диво
(В кулинарных рецептах такой не найдёшь).

Благотворный процесс совершался на кухне:
Испарялся весь хмель, оседала вся муть.
И гудели над плиткой весёлые мухи,
И старушки хмелели чуть-чуть.

Помню окна в крестах,
И тревожные звуки сирены,
И пустую у дома в снегу карусель.

Помню холод и страх,
Тишину на большой перемене,
Ну и тот, горьковатый, из пива, кисель.

* * *

В руках почтальона,
Почти что ребёнка,
Казённый листок.
В избе – бабий крик:
“*Похоронка!*
Ах будь ты неладен, сынок!”
Очнувшись, старуха
Прижала мальчонку к груди:
“*Прости, сиротинка,*
За бабий язык мой, прости...”

На пепелище

На этом месте взгляд кого-то ищет,
Хотя я знаю: некого искать!..
Малина хороша на пепелище,
Но я её не стану собирать.

Стоял здесь домик с черепичной крышей,
Как в песне старой: два окошка в сад.
Порой звучал, то ниже чуть, то выше,
Прекрасный голос с целым миром в лад.

Тот домик погубила не стихия,
Не молния жестокая сожгла...
В который раз враги рвались в Россию,
В который раз в *наш дом* беда пришла...

Вдруг ночью тёмной ослепил долину,
Клеймённый свастикою огнемёт.
Костёр пришельцы яркий распалили –
Все в чёрном. *Жизнерадостный народ*...

Теперь не так уж и горька картина:
Прикрыли ветви чёрное смольё...
На пепелище хороша малина,
Но я не стану пробовать её...

2009

Под русским небом синим

*П.Булгакову**

Здесь, на старом кладбище опрятном,
Где особо солонà слеза,
Памятная дата – сорок пятый –
Часто попадалась на глаза.

В сорок пятом уходили деды –
Вон их сколько, близнецов-могил,
Сил у них хватило на Победу,
А на жизнь – не сохранили сил...

Проводили старого солдата,
Предали защитника земле,
И остались от него лишь даты
С двух сторон короткого *тире*,

Да ещё – спасённая Россия...
А была последняя мечта:
Встретить здесь, под русским небом синим,
Двухтысячелетие Христа...

Помянули старого солдата
По-российски: водка на столе.
Берегите стариков, ребята –
Их осталось мало на земле.

1999

* Пётр Фёдорович Булгаков ветеран Великой Отечественной войны; несмотря на тяжёлое ранение, он много лет работал инженером-конструктором в ЦАГИ.

* * *

Я спешил, и мне *попался частник*,
Деньги взял, промолвив без вины:
“*Извините, Вы же не участник*”
(Той великой, разумеется, войны).

Как же так? Ну как же не участник?
Ведь погибла треть моей родни,
Мой отец – солдат стрелковой части,
Был убит в ней в первые же дни.

Да и сам я просто чудом выжил:
Шрам на мне – как *личное досье*,
С мамой из избы горящей вышел –
Спас *Всевышний*: я один в семье.

В погребах, в сырых холодных ямах,
С Рождества и до весенних дней
Голодали и молились с мамой,
Чтоб война закончилась скорей.

А каким огромным было счастье,
Встретить *наших*, предложить... воды...
Ты не прав, несправедливый *частник*:
Я – участник горькой той беды.

2009

Ранняя весна

Нынче ранняя весна,
Поднимусь на горку я:
С высоты земля красна,
Жизнь не столь уж горькая.

Топят печи, жгут костры,
Дым – седыми прядями,
Огороды и дворы
Выглядят тетрадами.

А под правым бережком
Тихой речки *Каменки*
Синий снег лежит пластом,
Словно на завалинке.

В воду смотрится ольха –
Золотые веники,
Разорённые стога –
Словно муравейники.

Терриконы и копры
В дымке, в отдалении,
Я внутри земной коры
Чувствую движение.

Паровоз – как на холсте,
Видели б художники!
Как птенцы, на полотне
Железнодорожники.

Люди добрые с утра
Гладят землю граблями,
И воюет детвора
Палками, как саблями.

Узнаю – соседа сын
Налегке, но в валенках.
Чтоб не *квасили* носы,
Разнимает маленьких...

Прежние у детворы
Игры и чудачества –
Здесь с военной той поры
Детство моё прячется...

Солнце вызрело сполна,
Припекает темечко.
Сыпать в землю семена
Наступает времечко...

Март 1997 года.

Краснодон – ближнее зарубежье.

В тумане города родного

Здесь всё старо и всё здесь ново,
Опять листвы мелькает медь,
В тумане города родного
Мне прошлого не разглядеть.

Меня от милого порога
Сманила жизни круговерть,
Под небом города родного
Не суждено мне умереть.

Пока все живы, слава Богу,
Помимо тех, кого уж нет,
На крыши города родного
Ложится мягкий лунный свет.

На тихой улице Садовой
Под старым клёном посижу
В объятых города родного,
Которым с детства дорожу...

Мне этот край так дорог сердцу!
Здесь, на холмах, где дом родной,
Войной украденное детство
Рассталось до поры со мной...

Как всё старо и как всё ново,
Опять листвы мелькает медь,
В тумане города родного
Так сладко мне грустить и петь.

2000

На берегу Донца

Сентябрь 2010 года.

1

Бежит река строптивая,
Траву к воде склоняя.
Стрекозка синекрылая
Взлетает над водой,
Довольная охотой.
Но кто там, не мигая,
Из глубины внимательно
Следит за стрекозой?

И если зазеваётся
Крылатая отрада
И лишь на миг окажется
Чуть ниже у воды –
Блестящий окунь вскинется
На блеск её наряда,
На треск прозрачных крылышек –
Не избежать беды!

Рыбак наладил удочку,
Ждёт окуня *подарок* –
О, как вкусна приманочка
На отмели речной...
Весь мир казался праздничным –
Так светел он и ярок –
Что *нипочём* не верилось,
Что жизнь – лишь *вечный бой!*..

2

Блестит река красавица,
Как лента среди леса.
С горы взгляни – представится
Волшебная краса:
Там *Чёрный лес* вдоль старицы,
Там *водяной да леший*.
По берегам сияющим –
Сплошь *Белые леса*.

В них тополя огромные:
Стволы их в два обхвата,
Как великаны древние,
Покой реки хранят.
Коварны воды вешние:
Упавшие когда-то
Деревья белоствольные
На берегу лежат.

На гладком белом тополе
Сижу под тополями,
Отныне – *за границею*,
На родине – в гостях!..
Я помню флаги красные
Над жёлтыми полями,
Была великой Родина
И нескончаем шлях...

2012

Дорога в город Счастье

*Письмо брату,
лето 1970 года.*

*Здоровеньки булы ваши детки!
Отложи, ридный братко, дела:
Та послухай в яку переделку
Путь-дорожка меня завела.*

*Наша лодка плыла по Айдару,
Лето красное, тишь да покой.
Фрукты-овощи гарные – даром:
Сторожа здесь – народец не злой.*

*Повар наш – краевед, мисцезнавец –
На ходу приготовил уху.
А вокруг – красота! Милый братец,
Я пером описать не смогу...*

*У реки той названье чудное.
Говорят, что средь белого дня
Оказалась здесь давней порою
Их царица... Обычай храня,*

*Ще живую огромную щуку
Поднесли три холопа ей в дар.
“Ай да дар!” – дама вскинула руки...
Называть стали речку: Айдар...*

*Как в кино проплывали пейзажи:
Степи, балки, левады, сады...
Попадались порою турбазы
И ни лиха тебе, ни беды.*

*Несподиванно** грозная сила
К нам из ГРЭСа несущихся волн
Подняла, понесла, закружила,
Словно пёрышко, крохотный чёлн.

О деревья едва не разбились
(Сухостой на воде!)... Наконец,
Проявил к нам *Айдар* свою милость:
Отпустил нас в прохладный *Донец*.

У слияния рек – город *Счастье*
В рукотворном сосновом лесу,
Здесь бывать мне хотелось бы чаще –
Чаще видеть *чудòву красу*...

Всё мелькало, как в пьесах Мольера...
На *Донце* поджидал нас заслон:
Преградила дорогу... *холера!*
*Люта*** гостья из давних времён...

Ту поездку мне сравнивать не с чем,
*Незвычайным**** тот выдался год...
А *холера*? То миф был, конечно,
Зря злякàлы**** послушный народ.

2012

P.S. То, что произошло на востоке Украины два года спустя в 2014 году, не могло присниться даже в самом страшном сне. Убитые дети, женщины, старики, разрушенные города и посёлки и среди них – уютный зелёный городок энергетиков с удивительным названием *Счастье*, звучащим теперь как горький упрёк безумию.

2014

* Неожиданно (укр.), ** жестокая (укр.), *** необычным (укр.), **** напугали (укр.)

Судьба

У слабых духом – их не мало –
Наверно, со времен Орды
Такая фраза бытовала:
*«Будь, чтоб не навлечь беды –
Ниже травы, тише воды».*
Её шептали в погребках
В войну, скрывая стыд и страх...

Своей судьбе я благодарен
За то, что в детские года
Ее урок был *лапидарен**,
Как истина, как доброта.
Война, невзгоды, *долгий пост*
Детей не погубили души –
Нас научили умных слушать
И верить в лучшее всерьёз.

И нас *неведомая сила*
(Куда девался детский страх?)
На несгораемых крылах
По всем окрестностям носила.
Средь дымных взрывов, ярких вспышек
Хранили ангелы мальчишек...

* Твёрдый, чёткий, краткий (*выбитый в камне*)

А в эти роковые дни
Решалась участь всей страны,
Мы это сердцем понимали –
Смотрели и ...*запоминали*.
Ведь нам увидеть *во весь рост*
Народный подвиг довелось.

Враг был коварен и силён:
Вон сколько техники военной –
Машин убийств...

Не счесть имён
Всех раненых и убиенных.

*Забвенье, ложь, раздоров яд –
Вот верная дорога в ад**.

2014

* В 2006 году в издательстве «Донеччина» вышла редкая и своевременная книга «Молодая гвардия»: новое предательство? В поисках истины за «круглым столом». В ней автор, Владимир Минаев, брат казнённой в краснодонском «гестапо» участницы молодёжного подполья Нины Минаевой, знающий не понаслышке о событиях военных лет в Краснодоне, даёт серьёзный бой тем «публицистам», которые многие годы преднамеренно фальсифицировали и очерняли нашу историю – героическую борьбу «Молодой гвардии» с фашистскими оккупантами.

Эта книга – предостережение. Читая ее, возникает тревога за будущее многострадального украинского народа... И беда пришла...

POST SCRIPTUM

* * * * *

До свидания, навсегда

31.12.1995 года

Падал снег осторожно на плечи,
Затихала под снегом Москва.
В новогодний томительный вечер
Я услышал смешные слова:
“До свидания, навсегда!”
Со слезами, по-детски упрямо
Сын кричал их взволнованной маме
(Уезжает встречать Новый год,
А мальчишку с собой не берёт).

Эта сценка совсем не по теме,
Улыбнуться бы, да позабыть,
Но не те мы сегодня, не те мы –
Пропитала политика быт.
Нестерпимая острая грусть
Ожила, словно старая рана:
Вот и я ведь один остаюсь –
Разъезжаются... веси и страны.

До свидания, навсегда,
Поднебесные тропы Кавказа,
Над родною рекою ковыль.
Всё привычнее форма спецназа,
И таможни негаданной пыль.
Это горькое слово *чужие* –
Как беда, как отчаянья крик...
А ведь были и мы молодыми
И счастливыми были, старик.

До свиданья, родной МГУ,
Шпиль и башни, колонны и залы,
Эти летние сны на вокзалах
На нелёгкой дороге к нему.
И таинственный свет у *Большого*,
И ночные дежурства у касс,
И уютный театр на *Садовом*
Храм сатиры печальной подчас.
Мир, что был и добрее, и проще
(Ах, как быстро промчались года!),
Подмосковные тихие рощи,
До свидания, навсегда.

До свидания, навсегда,
Голубая, как небо, вода,
Золотые пески Иссык-Куля
И ущелье “Бабы-Яги”,
Слободзёйские сладкие дули
И полтавские пироги,
Наши праздники, наши застолья
От Карпат и до самых Курил.
Эх, вернулось бы время застоя –
И ему бы *руля и ветрил!*

До свидания, навсегда,
В старой Риге аккорды органа
И зурна, и Алайский базар,
И пустынная прелесть Севана,
Приозёрск, Коктебёль и Кап. Яр,
И саянские быстрые сани,
И Байкала живая вода,
Цинандали, Твишй, Гурджаани,
До свидания, навсегда.

До свидания, навсегда,
Приамурские чёрные срубы
И закат над обжитым плотом,
Юных женщин горячие губы,
Рек сибирских волна за бортом.
Сортавальские белые ночи,
Синь Гек-Гёля, Домбай, Теберда,
И крымчанок весёлые очи,
До свидания, навсегда.

Под луною мерцание льда –
Изумрудная Пирита-речка.
До свидания, навсегда,
Закарпатские чудо-местечки
И застывшая в небе заря
Над бескрайним сиянием моря.
Ах, как много разлук...

Но пора
Вспомнить мальчика личное горе.

Той обиды давно уже нет.
Хорошо быть ребёнком здоровым
Тех особенных, радостных лет,
Когда в мире всё кажется новым,
Как снегов

свежевыпавших

свет!

Пусть тебя не коснётся война,
Не коснутся вселенские беды.
Мир хранит та святая весна,
Яркий свет той далёкой Победы!

1995

О себе

Предки мои родом из Донского края (со стороны отца) и из Наровчатовского уезда Пензенской губернии (со стороны матери).

Мой дед, Иван Алексеевич, отец мамы, спасая семью от голода, уехал *“на край света”* – в южный приграничный городок Кушка (Туркменистан), где в царской армии служил его брат. Всю жизнь мой дед работал на железной дороге. Во время эпидемии холеры в Средней Азии умерла моя бабушка и двое

её детей. Уже после Революции дед с шестью детьми переехал в станицу Каменская на берегу Донца. Почти все его дети, закончив учёбу, *переехали* на рудник Сорокино в 50-ти километрах от Каменска, где строились шахты и была работа.*

Родился я в 1934 году в городе Краснодоне (так стал называться рудник Сорокино), где в годы войны действовала подпольная молодежная организация *«Молодая гвардия»*. Война лишила меня отца. Опалённое войной безнадзорное детство (*чтобы свести концы с концами*, мама, школьная

* У моего деда, основателя нашего широко разросшегося донецкого рода, было два сына и четыре дочери. Старший сын Фёдор, офицер, всю войну прослужил в автомобильных войсках на Северо-Западном фронте; несмотря на тяжелые болезни, “заработанные” на войне, он много лет работал прорабом в Таллинне на строительстве новых жилых районов; не имея своих детей, усыновил мальчика и девочку из детдома. Младший сын деда, Виктор, служил в морской пехоте, был тяжело ранен при обороне Севастополя. Старшая дочь деда, Варвара, работала поваром в шахтёрской столовой; её муж – первоклассный сапожник – всю войну работал по специальности в воинской части. Ещё одна дочь деда, Ольга, работала в детском саду; умерла от туберкулёза вскоре после войны; её муж, офицер, погиб на фронте. Младшая дочь деда, Анна, работала в войну по комсомольскому призыву на военном химическом заводе в Орске; погибла во время аварии на заводе.

учительница, работала в две смены), школьные годы, согретые верой в будущее победившего *народа*, оставили неизгладимый след в моей жизни.

В 1952 году я окончил с серебряной медалью Краснодонскую среднюю школу №6 (где преподавали, в том числе, украинский язык и литературу). Школьную учёбу дополняли многочисленные бесплатные кружки и секции (от школьных хоров, театральных, географических, шахматных и прочих секций до общегородского «Автомотоклуба» и «Самолётно-планерной станции»).

После года учёбы в Новочеркасском политехническом институте, в 1953 году (год открытия МГУ на Ленинских горах) я поступил на физический факультет этого университета. Это были прекрасные и незабываемые годы. Казалось, весь “мир” стремился в МГУ. Тогда – в “хрущёвскую оттепель” – и физики, и лирики были в почёте. Выпуск нашего курса (450 “новоиспечённых” физиков) напутствовал сам... *Никита Сергеевич!* Вот с той-то поры вся моя трудовая жизнь (от инженера – до ведущего научного сотрудника) проходила в прославленном ЦАГИ в городе Жуковский. Область моих исследований: экспериментальная аэродинамика разреженных газов и метрология вакуумных измерений (кандидат физико-математических наук, награждён знаком «Изобретатель СССР», автор многих научных публикаций и 24 изобретений).

Вместе с женой, педагогом-литератором, вырастили сына и дочь. У нас есть внук, две внучки и два правнука. Увлекался в разное время рисованием, шахматами, плаванием; любил читать, путешествовать и работать на садовом участке.

Любопытство и особое *поэтическое* восприятие жизни сохранил с детских лет. Любовь к литературе привили мне: моя мама, Раиса Ивановна, и необыкновенный человек – мой школьный преподаватель литературы кандидат филологических наук Вячеслав Тихонович Василевский.

Публиковать стихи стал поздно: «Ковыль на ветру» – 2002 и 2007 г.г., «Мой сердолик» («Крымская тетрадь») – 2006 год,

«Перекрёсток дорог и сердец» – 2010 год. Печатался в ряде газет, в альманахах: «Жуковский Парнас», №1 и №2, 2010 год, «Золотая строфа», №5, 2010 год, «Алтарь Отечества», том III, 2013 год, в журнале «Наш современник» №1, 2014 год.

Лауреат XII *Артиады народов России* по литературе, 2012 год.

Награждён юбилейной медалью М. Ю. Лермонтова (2013 год) и медалью «60 лет Московской городской организации Союза писателей России» (2014 год).

Член Союза писателей России.

А. Липин, 2014 год.

С внучкой Наташей

Портрет моей мамы

Здесь мне два года

1940 год. Старшая группа Краснодонского детского сада, располагавшегося около Городского парка рядом со школой им. С.М. Кирова (автор в нижнем ряду крайний справа).

Ворошиловка

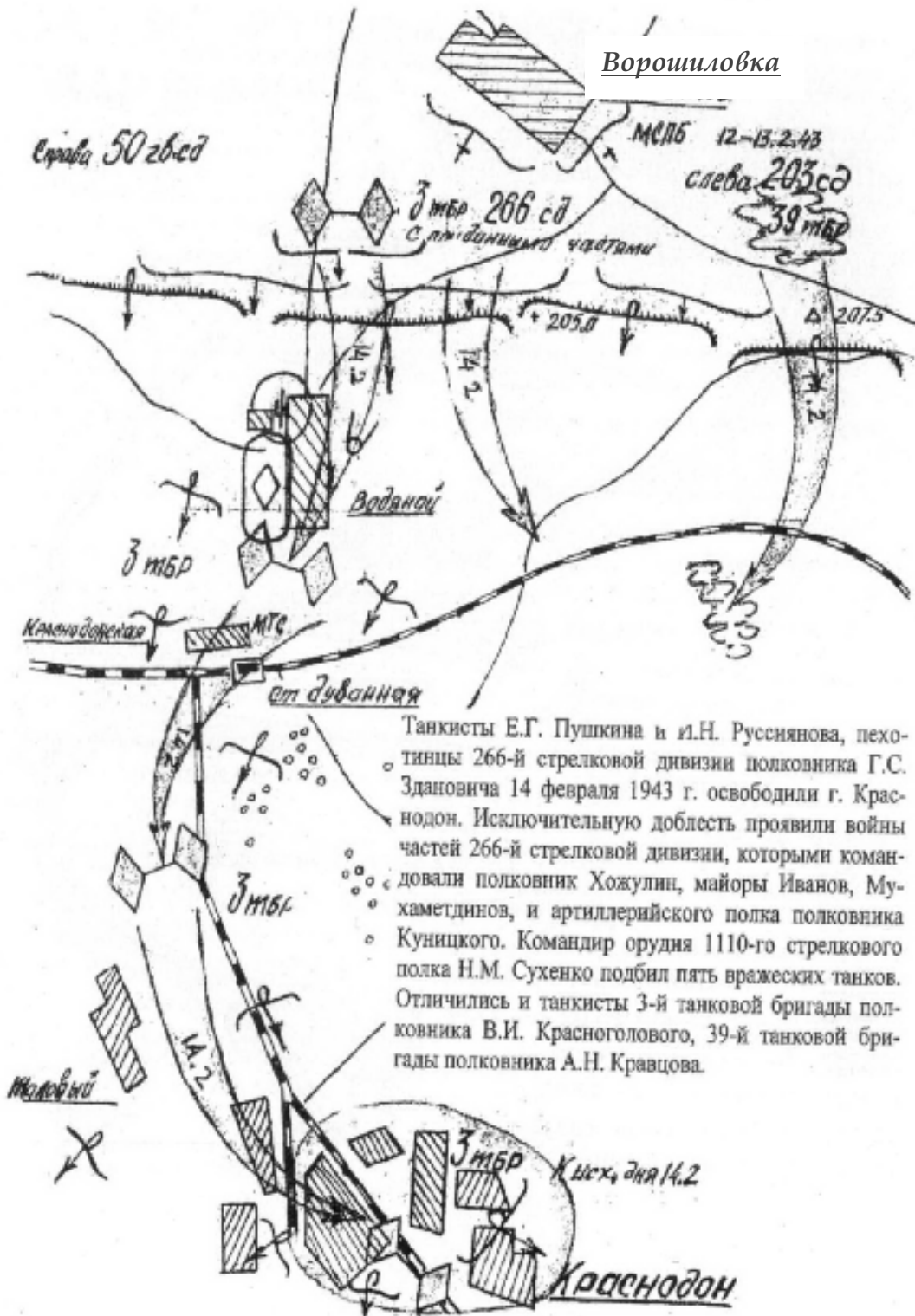

Схема наступления 3-й танковой бригады
на г. Краснодон 14.02.1943 г.

**НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА УКРАИНЕ.
ОТРАЖЕНИЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА. Январь-март 1943 г.**

Обе схемы взяты из книги В. Минаева «Молодая гвардия»: новое предательство? В поисках истины за “круглым столом” (издательство «Донеччина», 2006 г.)

1942 год. Краснодар. Друзья-однополчане, справа – Николай Жук. Он погиб на родине в Сталинградском сражении.

Никанор Фёдорович Унжаков, лейтенант 1008 полка 266 Артёмовской стрелковой дивизии, освобождавшей Краснодар. Был ранен в битве за Берлин. В армию он был призван из Барнаула, там же работал инженером после войны.

Тяжелейший 1944. Прошёл лишь год после освобождения нашего города, и до Победы – ещё более года. На снимке – все мои родственники, оказавшиеся в Краснодаре в это время. В нижнем ряду: слева – моя мама, Раиса Ивановна, учительница, научившая читать, писать и считать более 500 школьников; в центре – её брат Виктор Иванович, защитник Севастополя (*морская пехота*), комиссованный из-за тяжёлых ранений; справа – их сестра Варвара Ивановна – *работница питания* – трудилась в работавшей круглосуточно шахтёрской столовой (в 1944 году в Краснодаре уже работали многие шахты). Во втором ряду – мои двоюродные братья: в центре – Альберт (фото сделано в связи с проводами его в Армию); справа – Владимир (*донской казак*); слева, в шапке – автор.

1952 год. Первомайская колонна Краснодонской средней школы №6 (школьные друзья несут знамёна наперекор сильному донецкому ветру).

На фото слева – 1951 год, Краснодон: школьные друзья. Позади 9 класс. Справа от меня – Владислав Зарицкий.

На фото справа – В.Зарицкий в форме курсанта Чкаловского лётного училища. Их выпуску пришлось переучиваться и первыми осваивать самолёты с реактивными двигателями, что было связано с чрезмерными перегрузками.

Новочеркасский политехнический институт, НПИ.

1953 год. Студенты Новочеркасского политехнического института. Справа от меня – мой двоюродный брат Михаил Пушин, многие годы проработавший в поле начальником крупной геолого-разведочной партии (в двух летних экспедициях мне повезло поработать в его партии в должности *помбура*).

М.Пушин был призван в армию в 1943 году после освобождения Краснодона (фото 1945 года справа).

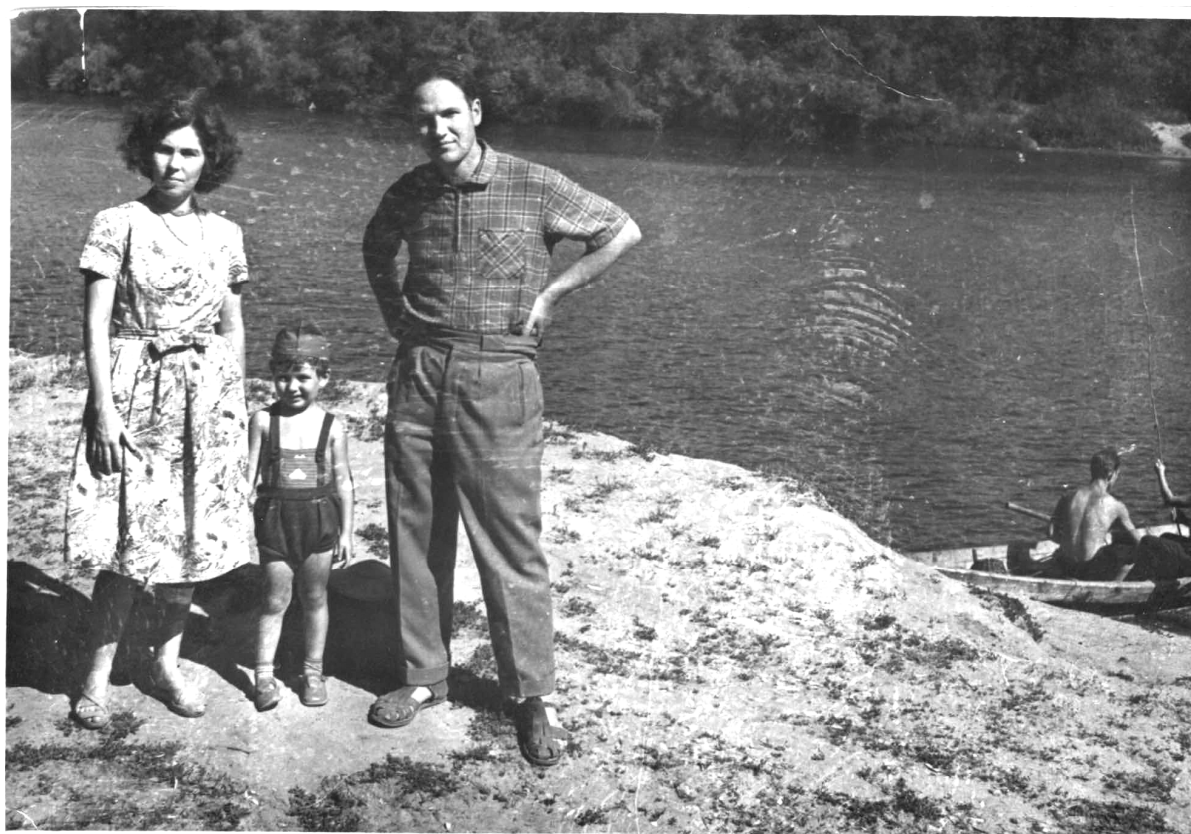
Выпускники средних школ, принятые в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Слева направо: М. Прокофьева, А. Литин, Л. Рябова, А. Клепикова, О. Колотов, Л. Петрушова, А. Филонова.

Фото В. Шустина

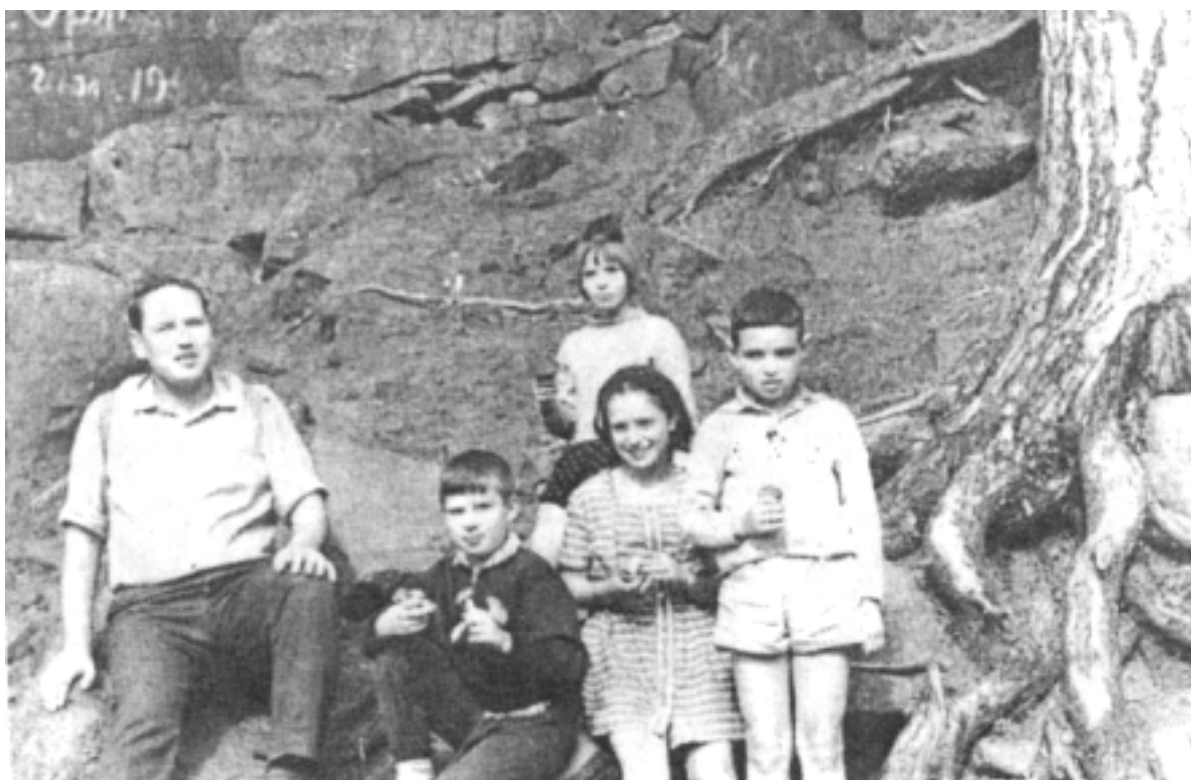
(Журнал «Огонёк» № 29, 19 июля 1953 года.)

Прощай, мой МГУ, 1959 год

На берегу Донца с женой и сыном.

На Валааме с детьми и их друзьями

2000 год. Краснодар. Я горжусь своїми земляками молодогвардейцями и преклоняюсь перед ними, что я и делаю на этом снимке, заодно выполняю функцию масштаба для этого прекрасного памятника.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чтоб не распалась связь времён</i>	1
Часть I Перед войной и в войну	3
Ковыль на ветру	3
Признание в любви	4
На бахче	6
Тот далёкий Первомай	7
Дети на даче	9
Довоенная пора	12
Настоящий самолёт	15
Игрушка.....	17
Дорога на Донец.....	18
Картина.....	20
Кулачные бои	21
“Альма-матер”	22
Река жизни.....	25
Накануне.....	28
"С неделю затишье стояло..."	30
Старая арба.....	31
"Я был "талантливым ребёнком..."	33
В деревне	34
Итальянцы на войне.....	39
Чёрное и белое	40
Портрет мамы.....	41
Запах кофе	42
Один день в январе сорок третьего	43
Люди подземелья	47
Дорога домой	51
Часть II В войну и после войны	53
Государственный экзамен.....	53
"Цыганский табор"	56
У шурфа шахты № 5	58

Расстрел предателей	59
Горькие приметы	62
Линейка.....	64
Первопроходцы.....	65
Походы в кино.....	69
Послевоенный футбол.....	71
На Троицу	73
"Парни, воевавшие чуть-чуть..."	74
"Путешествовал в Азии Обручев..."	74
Полёты на коньках.....	75
Футбольный матч.....	77
Как выживали на Дону после войны.....	78
Жаворонки.....	81
Дочки-матери	85
Богун	86
На переезде.....	87
Наш сосед.....	88
Вечер после войны.....	90
На улице моего детства	91
9 мая 1945 года.....	94
Часть III Эхо войны.....	95
У могилы неизвестного солдата	95
Городок у реки	95
Налоговая инспекция.....	96
На Пасху	98
Голубой автобус.....	99
Королевская игра	101
Огромное небо... на одного	103
Мой ласковый Новочеркасск.....	104
Долина роз.....	107
Жуковские бараки.....	108
Тёплая осень.....	109
Вечерний чай.....	110

Письма	111
"Где бы ни был я..."	112
"Мне хотелось бы дольше побыть..."	113
Утконос.....	114
Проводы в армию.....	115
На съёмках кинофильма	117
Командирские учения.....	118
"Дядя Федя – заметный мужчина..."	119
Рассказ москвича-старожила	120
"В руках почтальона..."	120
На пепелище.....	121
Под русским небом синим	122
"Я спешил, и мне попался частник..."	123
Ранняя весна.....	124
В тумане города родного.....	126
На берегу Донца.....	127
Дорога в город Счастье	129
Судьба.....	131
POST SCRIPTUM.....	133
До свиданья, навсегда.....	133
<i>О себе</i>	136

Отзывы о книге просьба направлять по адресу:
E-mail: director@zhukcbs.ru

Анатолий Васильевич Липин

Моё военное детство далёкое и близкое

Стихи и рассказы в стихах

Редактор – Лина Иванова

Автор выражает искреннюю признательность Татьяне Максименко, Михаилу Кисилёву, Борису Осадину, Виталию Шаленко, Геннадию Амирьянцу за интерес, проявленный к этой книге при её подготовке.

Особую благодарность автор хотел бы выразить Лине Ивановой и Елене Суворовой – без их активного участия и помощи эта книга могла бы не появиться.

